

18+

Николас Некро

ЗВЕЗДНЫЙ

СТРАННИК

ПАРАДОКСАРИУМ

Николас Некро

Парадоксариум.

Звездный странник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67563417

ISBN 9785005635570

Аннотация

«Звездный странник» – это первая книга в цикле Парадоксариум, повествующем об удивительном мире эрлов с планеты Тартарин. На долю маленького мальчика – принца Рон Хана, наследника великой цивилизации, выпали непосильные испытания. Не имея выбора, он был вынужден отправиться на встречу с ними. Что ждет маленького героя? Какие приключения ему предстоит пройти? С какими удивительными созданиями познакомиться? Весь путь достижений и потерь отважного принца описывает данная история.

Содержание

Николас Некро	5
Глава 1. Две деревянные фигурки	6
1.1 Учитель Нордук	6
1.2 Погоня за Афией	16
1.3 Собрание Малого Круга	27
1.4 Странный монах	44
1.5 Эггер Маккинори	57
1.6 Эн Ган Ло	78
1.7 Могилы предков	90
1.8 Красные глаза	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Парадоксарium. Звездный странник

Николас Некро

© Николас Некро, 2024

ISBN 978-5-0056-3557-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николас Некро Парадоксариум Звездный странник

2022 г.

*Слепые, нищие кто вас осудит
За преклонение чужим богам?
Никто Вас верить заставлять не будет,
Никто и не заставит Вас упасть к ногам.
Тогда признайте люди поражение,
Которое давно живет у Вас в крови!
Когда в войне найдете утешение,
Тогда познаете Вы истину любви!
(2617 год Тартарианского летоисчисления.
Святой Том. Третье послание с гибнущей планеты).*

Глава 1. Две деревянные фигурки

1.1 Учитель Нордук

– Дорогой, принц, позволь, я поведаю тебе историю этого мира. Пройдет совсем немного времени, и вся власть в известном полном разнообразной жизни космосе достанется только тебе. Ты должен с гордостью нести это бремя. Да, именно бремя. Ибо по-иному это назвать невозможно. Быть императором огромной космической империи Тартарин – нелегкое дело...

Учитель Нордук покачал головой и увлеченно проверил карманы своего темно-синего войлочного пиджака, фасон которого давно уже вышел из моды, что особо не волновало его владельца, ведь ценность вещей он еще в юности перестал приравнивать к роскошным платьям, украшениям и прочей атрибутике обычного гардероба дворянских богатеев, выглядевших порою, как разодетые павлины, распускающие яркий хвост, для привлечения взглядов окружающих.

Самым важным в своей жизни, он считал знания, накопленные за долгие годы, проведенные в добровольном заточении в огромных залах императорской библиотеки, среди бесчисленного количества пыльных томов скучной литературы, написанной занудными учеными прошлого. Хотя он

так и не смог найти применение полученной информации на практике, разве что обучать ей принца и других потомков великих семей в столичном университете.

По серьезному выражению лица учителя, принц догадался, что Нордук искал что-то очень для него важное. Вывернув карманы наружу, он ничего не обнаружил, кроме двух абсолютно одинаковых дырок, как будто специально для симметрии сделанных в каждом из них. Учитель прищурился и внимательно посмотрел на большой стол, обшитый светлым зеленым сукном, за которым с грустным скучающим видом сидел принц Рон Хан. Покачав головой, Нордук разочарованно цокнул пухлыми губами, явно выражая несогласие с безучастным поведением своего ученика.

Рон Хан прекрасно понимал, что ищет его учитель, но делал вид, что думает о чем-то отстраненном, чтобы не выдать местонахождение искомого предмета. Уткнувшись носом в прозрачный планшет, он пытался найти файлы с выполненным вчера без особого старания домашним заданием по истории Империи Тартарин. От скуки мальчика клонило в сон, и он громко зевнул, во всю открыв свой рот.

Нордук подозрительно смотрел на принца, приподняв мохнатую как у филина бровь, словно спрашивая, имеет ли тот отношения к пропаже его очков. Он уже не раз ловил Рон Хана при попытке стянуть что-нибудь из его личных вещей, особенно когда тому не удавалось подготовить домашнее задание. Принц почувствовал его вопросительный

взгляд, но вида не подал, продолжая рыться в планшете еще упорнее.

– Принц Рон Хан, – Нордук всегда переходил на официальный тон, когда хотел обратить на себя внимание, – вы ничего не хотите мне сказать?

Он наклонился, опираясь руками об стол, подозрительно рассматривая наследника.

Принц пожал плечами и поднял голову, с удивлением глядя на него.

– Нет, учитель Нордук, – спокойно ответил мальчик. Его лицо выражало спокойствие и добродушие.

Нордук покачал головой, по всей видимости, до сих пор не веря в искренность Рон Хана.

– Это хорошо, а то я уже испугался, что вы опять придумаете сто причин, чтобы не отвечать на задачу, поставленную мной вчера. И мне снова придется разговаривать с вашей матерью, нашей императрицей, о неподобающем поведении ее любимого сына, – он по привычке тряс указательным пальцем, разговаривая с принцем, словно читал очередную лекцию. – Как же была недовольна Ее Величество в прошлый раз! Она даже хотела немедленно наказать вас строжайшим образом. Кажется, лишит сладкого на целый месяц...

Он опустил глаза и внимательно посмотрел на свисавшие над поясом штанов бока мальчика. Стройным принца назвать было нельзя. Хотя полностью отличался и сам учитель, но он не обращал на это никакого внимания, ссылаясь

на свой преклонный возраст.

– ...Я сначала подумал, что вам это будет только на пользу... – с сочувствующим выражением лица сказал он – Но потом мне стало жаль вас, и я все-таки изменил свое решение. Мне стоило огромных усилий переубедить ее. Она смягчилась лишь тогда, когда узнала, что вы делаете большие успехи в астрономии и познании границ Космоса. К сожалению, это единственные предметы, которые вам даются... хоть немного. Мне пришлось промолчать об истории Тартарина, межзвездной физике и космической химии. Я уже не говорю о всех остальных предметах.

Он со вздохом пожал плечами.

Рон Хан не моргая смотрел на него своими большими зелеными глазами. Его всегда удивляло то, что Нордук не задавал прямых вопросов, а пытался зайти откуда-то издалека, вот как сейчас. Почему бы просто не спросить «Ты не видел мои очки?» и получить исчерпывающий ответ? Но учителя это не устраивало, он постоянно искал самые сложные решения стоящих перед ним простейших, как казалось мальчику, задач.

Нордук, не удовлетворившись молчанием, как бы невзначай зашел за спину сидящему принцу, пытаясь высмотреть предмет своих поисков. Ничего не обнаружив, он заглянул мальчику через плечо в лежавший на столе планшет якобы для того, чтобы увидеть, что он там пытается найти. На самом же деле он направил взгляд под стол, предполагая, что

Рон Хан прячет его очки у себя на пухлых коленках. Но там тоже было пусто.

«Ага, давай смотри, – подумал принц, и улыбка произвольно скользнула по его губам, – а то я не знаю, что без очков ты не видишь дальше собственного носа».

– Я смотрю, вы хорошо поработали над заданием, – сказал Нордук, погладив густые завивающиеся золотые волосы принца, одновременно проверяя, не прячет ли он под ними что-нибудь. Отодвинув роскошные локоны в сторону, он слегка потрепал мальчика за остроконечное ухо.

Рон Хан резко одернул голову, показывая всем своим видом, что не приемлет, когда к нему относятся, как к маленькому. Хоть ему и было почти восемь лет, он считал себя уже вполне взрослым и самостоятельным, редко когда спрашивал чужие советы и практически никогда не следовал им.

– Так на чем это я остановился?.. – задумчиво спросил учитель, отходя от принца.

Он поднял вверх голову, вспоминая что-то. Мальчику было известно, в подобном состоянии учитель уже не вспомнит, что говорил ранее. Такие провалы в памяти у него случались довольно часто, скорее всего, из-за обилия информации, хранившейся в его голове.

– Вы сказали, что я делаю стремительные успехи в астрономии и познании границ Космоса! – выпалил Рон Хан, пытаясь максимально выгодно воспользоваться временным замешательством своего учителя.

Он прекрасно знал, что от бесконечного хоровода мыслей, Нордук часто забывает, что делает и говорит. В такие моменты ему можно внушить практически все что угодно. Один раз Рон Хан даже заставил его поверить, что в связи с днем скорби в честь трагической гибели пустынных сусликов от рук браконьеров, на Тартарине объявили целую неделю выходных, и тем самым избежал занятий и домашнего задания. Конечно, учитель впоследствии понял, что его обманули, когда прогулял вторые сутки, не появляясь на своем рабочем месте в университете. Но так и не смог вспомнить, кто же все-таки рассказал ему о выходных в честь погибших маленьких зверьков.

– Да, точно, – уверенно сказал учитель. – Но к чему это я говорил?

Он вновь задумался и посмотрел в потолок, приоткрыв рот, из которого на подбородок стекала слюна, придавая Нордуку вид душевнобольного.

Еле сдерживаясь от смеха от озадаченного вида своего учителя, Рон Хан продолжал использовать ситуацию себе во благо:

– Вы сказали, что обязательно поговорите об этом с моей матерью и расскажите Ее Величеству, какой я хороший мальчик и как старательно учусь на ваших предметах.

– В самом деле, – голос Нордука уже не был таким уверенным, – я так сказал?

Он слегка поперхнулся и втянул слюну обратно в рот, из-

дав при этом неприятный хлюпающий звук.

– Да. Вы только что сказали именно так, – хихикнул мальчик.

Он опять смотрел на учителя, не моргая, пытаясь сделать глаза как можно шире. Принц почему-то считал, что таким образом заставляет поверить в свою честность.

Нордук присел в кресло и достал записную книжку, обшитую черной кожей, на обложке которой золотым цветом была нарисована большая буква «Н». Он не пользовался никакой электроникой – предпочитал делать записи в блокноте, по старинке. К тому же считал, что знания, хранящиеся в голове, никуда из нее не денутся, и воспользоваться ими можно в любой момент, в отличие от ненавистных ему планшетов и компьютеров.

– Хорошо, я обязательно поговорю с императрицей о вашем поощрении. – Он открыл записную книжку и с трудом, практически на ощупь, отыскав на столе ручку, стал делать вид, что записывает. Периодически он покусывал кончик ручки, который от этого принимал вид мятой ваты. – Вашим заданием будет изучить главы три и четыре учебника истории Тартарина, включающие в себя становление императорской власти и покорения миров Экут и Намуби. Особенно, обращаю ваше внимание, на подробное изучение восстания не поклонившихся. Я буду задавать каверзные вопросы по этому периоду.

Он поднял указательный палец, показывая всю серьез-

ность сказанного им.

Мальчик обратил внимание на не стриженные грязные ногти на пальцах Нордука, и его стало немного подташнивать.

– Хорошо, учитель Нордук, – Рон Хан согласно покивал, скрывая омерзение и желание поскорее покинуть надоевшую комнату. Но, пролистав задание на планшете, он пришёл к выводу, что над ним придётся корпеть по меньшей мере пару-тройку вечеров. Его возмущению не было предела. – А почему так много?! Целые две главы!..

В голосе мальчика слышались призывы к справедливости и жалость к себе. Но учитель был непреклонен и идти на уступки не собирался:

– Мы с вами теперь увидимся только после обряда клеймения, а это может занять не один месяц.

– Не один месяц? – Рон Хан зачесал руками волосы назад и растопырил остроугольные уши. – Так долго?!

– Минимум месяц, – Нордук повысил голос и вновь поднял указательный палец. – А были случаи, когда маленькие принцы вообще не выходили из комы после обряда. Это вам не увеселительная прогулка с мамой по магазинам игрушек. Вы бы знали об этом, если бы хорошо изучили первую главу. Так что две главы вам в самый раз, пока будете валяться на кровати без дела. Ступайте. Мне еще надо закончить планирование ваших занятий на ближайший квартал.

Учитель Нордук привычным движением стянул свои оч-

ки со лба и, удивившись внезапной находке, тут же нацепил их на нос. Теперь он мог без проблем записать в блокнот задание без опаски забыть к следующему занятию, тем самым разрушив надежду Рон Хана на беззаботное времяпровождение.

Разочарованный принц набросил на плечо лямку сумки, опустил голову и побрел из кабинета для занятий.

– Ерунда, – бурчал он себе под нос, – не пройдет и пары дней после обряда, как я уже всю буду тренироваться в магии Праны.

– Исключено, молодой человек! – нравоучительным тоном крикнул ему в спину Нордук. – Вы не сможете и азов познать без длительной тренировки и глубокого изучения теории! А медитация, а концентрация? Нельзя с такой безответственностью относиться к силе, которая держит в равновесии всю Вселенную! И мою жизнь – в том числе, если уж на то пошло. Я запрещаю вам даже думать о магии Праны до тех пор, пока мы не пройдем курс основ Императорской власти! Вам все понятно?!

Рон Хан поспешил покинуть кабинет, опять проигнорировав вопрос учителя. Он знал, что в одном из двух случаев Нордук забудет свой вопрос до следующего занятия. Да и какое право имеет этот старый напыщенный зубрилка говорить, что можно делать наследнику имперского престола, а что нельзя?

От этой мысли у мальчика непроизвольно стиснулись зу-

бы, и он сжал крохотные пухлые кулачки.

«Первым указом, когда стану императором, отменю все домашние задания», – подумал он, ускоряя шаг, желая побыстрее покинуть учебный сектор. В голове не прекращаясь, крутился образ учителя ведущего нравоучения и махающего указательным пальцем с грязным ногтем.

Принц пошарил в кармане куртки в поисках деревянных фигурок императора и императрицы. Он всегда носил их с собой с тех самых пор, как мать подарила. Но сейчас он со страхом обнаружил, что в карманах их не было. Остановившись на мгновение, он попытался вспомнить, куда же мог их положить.

«Наверное, оставил в игровой комнате», – подумал мальчик и весело запрыгал по коридору.

1.2 Погоня за Афией

В тот же день, ближе к обеду.

Планета Тартарин, Центральный район,

Императорский дворец, нижние уровни.

– Не догонишь, не догонишь! – дразнилась остроухая курносовая девочка с длинными золотыми волосами, убегая по закоулкам коридоров от своего младшего брата.

Ее бледное, практически белое лицо, украшенное разноцветными узорами татуировок, сильно выделялось на фоне ярко-красного платья. А на руках и шее висели бусы из ракушек, зубов животных и драгоценных камней.

– Постой, Афия! Не так быстро! – вслед за ней бежал такой же остроухий пухлый мальчуган лет восьми. – Верни мне их! Они мои!

– А ты догони! – задирала его сестра. – Вон какие щеки наел! Еле двигаешься!

Поворот сменялся поворотом. Они бежали по узким каменным коридорам. Обшарпанные стены, тусклое освещение и запах сырости указывали на нижние этажи дворцового подземелья, в которых присутствие детей императора было совсем неуместно. Но, похоже, родительские запреты их не особо заботили. Отдаваясь азарту погони, они спускались все ниже и ниже по извилистым крутым лестницам

катакомб, не обращая никакого внимания ни на отсутствие освещения, ни на возможные опасности, которые могли их поджидать за каждым углом.

Девочка явно поддавалась своему преследователю, желая раззадорить его еще сильнее. Она была старше и бежала намного быстрее, но периодически давала себя догнать, подпуская брата к себе ближе.

Из-за долгой погони он начал выдыхаться – его тучное детское тело, расслабленное беззаботной жизнью в кругу назойливых слуг, не было приспособлено к столь длительным физическим нагрузкам. Мальчик почувствовал, что больше не может, и горечь разочарования и обиды подкатила к горлу. Сам того не желая, он заревел от беспомощности, но не остановился, а вытер рукавом бежавшие слезы и продолжил двигаться в том направлении, куда, как ему показалось, убежала сестра.

– Прочь с дороги, ничтожество, – огрызнулся Рон Хан, столкнувшись с вышедшим из-за угла мужчиной в изрядно поношенном сером рабочем костюме, который при беглом взгляде можно было принять за лохмотья. – Не видишь, кто идет?

– Прошу простить меня, – мужчина посмотрел на мальчика большими серыми глазами. Его длинный, изгибающийся в разные стороны нос на морщинистом, как у старика, лице выглядел неестественно.

Через мгновение, сообразив, кто стоит перед ним, он

стремительно отвел взгляд и опустил голову, резким движением отодвигаясь к стене, пропуская принца вперед.

– Ваше Высочество...

Мужчина принадлежал одной из низших рас, которым было позволено находиться только на нижних уровнях дворца для осуществления всякой грязной работы, которую не могли доверить роботам или эрлам. Появление императорской особы в этом месте было неожиданным и застало мужчину врасплох, на мгновение лишив способности рассуждать логично.

– Куда она побежала? – видя растерянность мужчины, властным голосом спросил принц.

И посмотрел на незнакомца таким повелительным и пронизывающим взглядом, что тот вынужденно отвел взгляд в сторону, словно маленький Рон Хан смотрел на него сверху.

– Я никого тут не видел, Ваше Высочество, – доброжелательно ответил слуга, почесав редкую серую бороду, стараясь говорить тише.

– Что ты там мычишь? Я практически ничего не слышу. Не видел? Если соврал, паршивый старый намуби, скажу отцу, чтобы казнил тебя на рассвете. – Принц опустил голову и пошагал по коридору, насвистывая веселую мелодию. Отойдя на несколько метров, обернулся: – Как звать-то тебя, намуби?

– Н-н-нимериус, Ваше Высочество, – заикаясь, назвал

мужчина.

Его лицо выражало недоумение от встречи с членом императорской семьи, гулявшим на подземных уровнях. От волнения уши и нос слегка дергались.

– Ниме-ери-иу-ус... – надменно повторил мальчик, растягивая слово. – Звучит, как имя какого-нибудь сенатора или короля. Будет легко запомнить, чтобы потом внести в список палача...

Рассуждения Рон Хана прервал звонок коммуникатора, выполненного в виде серебристого браслета и закрепленного на запястье правой руки. Он судорожно завибрировал, издавая незатейливые звуки. Нажав пару сенсорных кнопок, принц увидел голограмму лица девочки, за которой вел преследование.

– Ты такой быстрый, братец, что я почти заснула, пока ждала тебя возле лифта, – издевательски произнесла Афия. – Как же ты собираешься управлять целой империей, если не можешь успеть за девчонкой?

– Я... я с тобой еще разберусь, – еле сдерживая слезы и всхлипывая, пригрозил мальчик.

– И как же ты собираешься это сделать? Чтобы меня догнать, тебе придется сначала изрядно похудеть! А для этого надо бегать пару десятков лет без сна и отдыха, не останавливаясь.

– Дождешься у меня! Стану императором – отправлю тебя в темницу на Ауш Кулле! – Рон Хан погрозил сестре пухлым

кулачком.

Девочка улыбнулась и отвернулась в сторону:

– Мам, Рон Хан опять возомнил себя императором и обращается к древним традициям. Грозит отправить меня на Ауш Кулл.

– Рон Хан, зачем ты обижаешь сестру? – послышался из коммуникатора строгий, но приятный женский голос.

Мальчик от неожиданности слегка вздрогнул, но быстро взял себя в руки и ответил:

– Она сама виновата, она украла те статуэтки, которые ты мне подарила.

– Да нужны они мне, – девочка махнула рукой. – Какие-то никчемные деревянные фигурки.

– Неважно. Рон Хан, ты – будущий император и не можешь себе позволить выходить из себя по таким пустякам.

– Я ему говорила то же самое, мам. Он такой нервный и несдержанный, – ехидничала девочка.

– Помолчи! – перебила ее мать. – Рон Хан, поднимайся немедленно к отцу в зал Малого Круга. Он с самого утра ищет тебя. Потом подойдешь ко мне. Есть срочное дело, которое необходимо обсудить.

– Хорошо, – принц нажал кнопку, и голограмма Афии влетела обратно в браслет.

Мальчик повернулся в сторону приклеенного к стене мужчины с морщинистым лицом, который так и стоял, не шелохнувшись. По всей видимости намубианец надеялся,

что мальчик про него забудет, если он не будет шевелиться, и даже закрыл глаза, чтобы ненароком не встретиться взглядом с принцем.

– Эй, ты, где здесь центральный лифт?

Принц назвал бы Нимериуса по имени, но уже успел его забыть, так как необходимости запоминать имена прислуги у него никогда не было. Да и зачем забивать голову такими ненужными вещами, когда всегда можно обратиться, сказав «Эй ты», «Слуга» или «Носатый»? Но Рон Хан понимал, что обещание завтрашней казни было явно лишним. Да и император вряд ли бы одобрил, реши он пожаловаться на безобидного намубианца. Еще пришлось бы объяснять, что мальчик делал на нижних уровнях, на которые ему спускаться категорически запрещалось.

– Вам по этому коридору до конца, – слуга указал направление морщинистой рукой, резко опустив голову еще ниже, а его нос, похожий на длинную кривую морковку, задергался в разные стороны. Казалось, еще немного и она оторвется и покатится по коридору.

Рон Хан вприпрыжку поскакал в указанном направлении, весело напевая детскую песенку, уже позабыв, что злился на сестру. Он вообще не имел привычки долго помнить обиды и держать в голове плохие мысли.

С нижних уровней на верхний лифты ходили очень редко и медленно. Принц, несмотря на свой небольшой рост и приличный для его возраста вес, попрыгал немного, тряся

щеками, и все-таки дотянулся до кнопки вызова. Подождал несколько секунд, пока откроются двери, и вошел внутрь.

Но к удивлению мальчика, лифт не был пустым. В нем находился пассажир, который явно не ожидал встретить кого-либо из семьи императора на этих этажах дворцового подземелья. От неожиданности он пошатнулся и немного отпрянул назад. Это был эрл высокого роста, со смуглой тёмно-синей кожей, с небольшой заботливо расчесанной черной округлой бородкой и ярко-белыми глазами без зрачков, что было редкостью среди представителей данной расы. Одет он был в изумрудную мантию. А его до блеска выбритый череп отражал тусклый свет потолочных ламп. На плече у него сидела небольшая летучая мышь, которая прикрыв глаза безучастно дремала. Со стороны ее можно было принять за чучело.

Эрл внимательно посмотрел на принца, при этом глаза его сузились, а татуировки вокруг них изобразили хаотичный узор, напоминавший летящих птиц.

– О... дядя Готто Гвал! Рад вас видеть, – удивился мальчик, обнаружив родного дядю в кабине лифта. Он подбежал и обнял случайно встретившегося родственника. – Что вы тут делаете, на нижних уровнях? Мне казалось, вам не положено находиться здесь.

Готто Гвал – родной брат и первый советник императора. Его статус члена Малого Круга действительно не позволял ему спускаться на нижние уровни, тем более без сопровож-

дения дворцовой охраны.

– То же самое я хотел спросить у тебя, юный принц, – уклончиво ответил ему Готто Гвал. – Меня привели сюда дела государевы, а что привело тебя?

– Я гонялся за Афией, она украла мои статуэтки. А мне их мама подарила, – попытался объяснить мальчик. – Я должен был проучить воровку.

– Дорогой мой принц, нахождение на нижних уровнях опасно. Кто знает, что может скрываться за очередным поворотом или дверью? Вам нельзя быть таким опрометчивым, – заботливо пожурил мальчика его дядя, изобразив натянутую улыбку.

– Я знаю. Но она вечно подшучивает надо мной! – Рон Хан взмахнул гневно руками.

– Ах, женщины... Только богам ведомы причины их деяний. Тем не менее это неразумно. Вдруг ты встретишь там низших? Кто знает, что может прийти в голову этим свирепым дикарям? Многие из них не в силах отличить обед от собственных детей.

– Я встретил одного из них, ничего страшного, он даже указал мне путь к лифту. Они такие же, как и мы. В нем не было ни капли зла.

Готто Гвал безразлично махнул рукой:

– Как ты еще юн, Рон Хан. Тебе многому предстоит научиться. Не все расы равны, мой мальчик. А среди равных рас нет расы выше нашей. Именно поэтому мы правим им-

перией. Именно поэтому мы покоряем миры. А все остальные нам подчиняются.

– Мой отец правит, – смело поправил его мальчик.

– Конечно... твой отец, – выдерживая небольшую паузу, согласился Готто Гвал. – Кто же еще!

Вновь раздался прерывистый сигнал коммуникатора. Летучая мышь на плече у советника лениво открыла глаза, а у мальчика от неожиданности дернулась рука. Он ткнул пухлым пальчиком в браслет, из которого раздался голос матери:

– Рон Хан, отец ждет тебя. Поторопись.

– Мам, я уже иду, – ответил мальчик.

– Быстрее.

Готто Гвал заинтересованно посмотрел на племянника, немного прищурив глаза. При этом принцу показалось, что от его спутника веет каким-то странным холодом. Это был не тот холод, который он обычно ощущал в зимнее время года, находясь в плохо отапливаемом помещении или на улице. Это был безжизненный мертвый холод, который Рон Хан уже чувствовал, когда хоронили его бабушку – императрицу Монифу.

Старушка нарушила все возможные законы природы и прожила на редкость долгую жизнь, пережив своего покойного мужа на сорок три года. В народе даже стали шутить, когда ей пошел сто пятьдесят восьмой год, что пока жива Монифа, империя будет существовать. А как всем было из-

вестно, жить ей пророчили вечно.

– Как поживает ваш фамильяр? – поинтересовался Рон Хан, глядя на спящую летучую мышь.

– О, он почти всегда спит. Думаю это уже от старости. Раньше он был намного веселее и проворнее, – с грустью ответил советник.

– Мне тоже скоро подарят фамильяра. Я все думаю кого бы взять?

– Фамильяр – это не игрушка, племянник. С ним образовывается тесная ментальная связь. Не думаю, что тебе уже можно брать ответственность за чью-то жизнь.

– Я уже готов, – возразил мальчик и, гордо подняв голову, посмотрел на дядю. – Чем раньше мне подарят зверя, тем быстрее мы сможем образовать эту связь.

– Как скажешь... К моей огромной радости, наши пути совпадают, племянник. Я как раз следую к твоему отцу в зал Малого Круга. Мы можем пойти вместе, – с улыбкой сказал Готто Гвал и почесал под крылом летучую мышь. Но она никак не отреагировала и по-прежнему сидела с закрытыми глазами. – Ты заодно расскажешь мне, как тебе удалось героически спастись от неожиданного нападения дикаря.

– Почему он зовет меня на Совет? – спросил мальчик, проигнорировав вопрос дяди. Рон Хан не желал тратить свое время, отвечая на вопросы, если считал их глупыми.

– Скорее всего, хочет показать тебе тяжелые будни власти. Какие задачи нам приходится решать. Твоя жизнь не будет

состоять из бесконечных игр и беготни за старшей сестрой. Мир жесток. Очень жесток. И ты мог бы в этом убедиться на нижних уровнях, если бы на твоём пути попался менее образованный дикарь. Я слышал, некоторые из них с лёгкостью поедают своих детей в голодное время или просто ради забавы. И делают ещё много других ужасных вещей, о которых тебе пока лучше не знать, чтобы не испортить аппетит перед обедом.

– Но мне же не сделали ничего плохого. Он был очень любезен и обходителен. Многим эрлам ещё нужно поучиться таким манерам.

– Тебе просто повезло. Низших сдерживает лишь страх перед властью твоего отца над Праной. Они боятся, очень боятся, иначе бы уже давно повесили нас за ноги на Дворцовой площади. Страх – очень сильная мотивация... А вот и наш уровень, пора выходить, мой дорогой племянник.

1.3 Собрание Малого Круга

Лифт, останавливаясь, немного качнулся. Двери плавно открылись, не издав ни единого звука. Проследовав по широкому коридору, принц и Готто Гвал вышли в большой холл с колоннадой. Через затейливые узоры на вытянутых до самого потолка витражных окнах проникал солнечный свет, переливаясь всеми цветами радуги и кидая отблески на колонны, делая их разноцветными. Сквозь окна открывался завораживающий вид на дворцовый сад и спокойно текущую через него извилистую реку.

Они прошли в небольшую комнату, оформленную в красных и лиловых тонах. На стенах висели длинные гобелены, занимавшие всю поверхность от потолка до пола. На них изображались давние события из истории империи Тартарин. Тут была и коронация первого императора, и жестокие сражения за новые миры, а также сцены охоты на диких животных. Многие изображения были настолько старыми и потрепанными, что большую их часть невозможно было разглядеть. Все картины украшали цветы папоротника – символа империи.

В центре комнаты находился длинный деревянный стол, за которым сидели члены Малого Круга. Некоторых принц видел не первый раз – они присутствовали во дворце на официальных мероприятиях, таких как балы, дни рождения чле-

нов императорской семьи, иногда на похоронах.

В голове Рон Хана всплыл образ его покойной бабушки, и грусть комом подкатила к горлу. Ему не давала покоя мысль о том, что родным и близким по неизвестным причинам приходится уходить из его жизни.

За принцем и советником в зал без всяких церемоний хромающей, но решительной поступью вошел худощавый старик невысокого роста. Он на каждом шагу отвешивал приветственные поклоны и от привычки держаться в сгорбленном положении казался ниже, чем был на самом деле. Черты его лица были тонкие и правильные. Орлиный нос, пронизательные черные глаза, высокий лоб, изборожденный морщинами, длинные седые волосы и большая борода производили благоприятное впечатление. Но его одежда состояла из простого бурого плаща, надетого поверх незатейливой серой туники, что сильно выделяло его на фоне роскошно разодетых остальных присутствующих в зале членов Малого Круга.

Рон Хан узнал старика – это был Эн Ган Ло, подаривший ему на семилетие игрушечного летающего дракона, которого императрица приказала спрятать в дворцовом хранилище после того, как с его помощью принц устроил пожар и сжег две занавески в своей игровой комнате.

– Прошу прощения, Ваше Величество, – с очередным поклоном извинился старик. Его узкие прищуренные глаза, бегающие из стороны в сторону, создавали впечатление, что он

обдумывает очередной хитрый план. – Меня задержали дела империи.

Не дожидаясь ответа, Эн Ган Ло неторопливо занял свободное место и спокойным проницательным взглядом осмотрел всех присутствующих.

Во главе стола на высоком деревянном стуле, обитом красной кожей, восседал император Дан Хан Кон. Его белая с серебристыми узорами мантия внушала уважение и выглядела строго среди разноцветных ярких нарядов советников, в которых они выглядели как попугаи. Он посмотрел на принца тяжелым взглядом из-под широких бровей. Длинная золотистая борода придавала ему еще более грозный вид.

На заседании велся отчаянный спор. Стоял громкий гул голосов, пытавшихся перебить друг друга советников. Один из них, высокого роста в ярко-бирюзовой мантии, обшитой золотом, встал из-за стола и в доказательство своей правоты принялся размахивать руками так, что казалось, собирался взлететь.

Император медленно поднял правую руку, и разговоры тут же прекратились. Повернув голову в сторону только что вошедшего сына, он сказал:

– Ты не особо торопился, Рон Хан. Сядь там, в углу. С тобой поговорим позже...

Он небрежно указал рукой, и мальчик без колебаний занял указанное ему место на небольшом стуле. Готто Гвал

присел справа от императора на свое почетное место Первого советника.

– ...Сегодня я собрал всех вас для обсуждения давно наболевшего вопроса, – низким величественным голосом продолжил император. – Мне все чаще поступают доклады о притеснении подчиненных планет эрлами. Представители империи не дают поработенным мирам спокойно развиваться, повсеместно насаживают свою культуру и надуманные законы. Уровень жизни низших стремительно падает. Каждый год некоторые миры прекращают свое существование, не справившись с гнетом сошедших с ума от алчности и безнаказанности наместников империи. Наша цивилизация несет смерть в их дома. Ненасытности тартарианцев, как и ранее, нет предела. Мы должны принять закон о запрете покорения чужих миров и освобождении низших рас. Дальнейшее поглощение их Праны недопустимо. Я уже закрыл большинство проектов, которые требовали энергии сверх меры. В дальнейшем нам придется рассчитывать только на собственные знания и силы...

Согласно древним традициям, раз в сто лет в День празднования Великой Жатвы на поиски неизученных рас и миров отправлялась группа беспилотных кораблей-исследователей. Ни одна живая планета, даже в самых отдаленных уголках Вселенной, не могла скрыться от всепроникающего взгляда Империи.

Возвращаясь, исследователи приносили координаты ми-

ров и сведения о количестве Праны, содержащейся в них, и император незамедлительно принимал решение о целесообразности покорения найденного мира и включения его в состав Космической Империи Тартарин.

На каждой поработанной планете империя устанавливала черный магический кристалл – звездный камень, через который император, находясь в своем столичном дворце, мог использовать Прану. Кристалл тщательно охранялся и служил символом и неотъемлемым атрибутом императорской власти. Каждый наместник, назначаемый для осуществления контроля над планетой, отвечал своей жизнью за сохранность звездного камня...

После слов императора споры возобновились. Поднялся гул, гам, крики. Один особенно упитанный советник писклявым голосом промусолил толстыми влажными губами, разбрасывая во все стороны слюни:

– Это неприемлемо, неприемлемо! Эта их прямая обязанность – служить сильным и делиться с нами своей Праной! Мы еще не до конца закончили восстановление Тартарина! Их Прана нам необходима!

Император вновь поднял руку. Шум снова затих.

– Я не спрашиваю разрешения, Янг Аабадж, – обратился к нему император. – Я лишь выражаю свою волю. У вас есть выбор: либо подчиниться и помочь мне на Большом Круге, либо умереть. Дальнейшее унижение низших рас непозволительно. Мы пользуемся ресурсами их планет, их Праной,

а взамен они получают прозрачную защиту и возможность выживания лишь для того, чтобы жить в рабстве. Восстановление Тартарина уже дело лично наше. Низшие не должны платить за ошибки эрлов.

Жизнь покоренных народов нельзя было назвать беззаботной. Хотя империя и приносила новые технологии в их миры, но отношение к ним было не лучше, чем к животным. Являясь расой покорителей, эрлы воспринимали себя как высших существ и вели себя соответственно. Всех остальных они называли низшими и считали своими рабами, не достойными прав и свобод.

– Позволю не согласиться с вами, император. Для низших созданы оптимальные условия. Их цивилизационный прогресс находился на таком низком уровне, за исключением Нирган и Экутов, что наше вмешательство позволило не только сохранить их как расы, но и помочь им сделать невероятный прыжок в развитии их планет... – вмешался в разговор Готто Гвал.

– За использование нами их Праны они платят своим будущим, – перебил Дан Хан Кон. – Вселенная неспроста создала такое многообразие миров. Не для того, чтобы одна цивилизация, вроде нашей, поглощала остальные. Вы, верно, уже забыли, как нам пришлось остановить добычу Праны на Тартарине из-за резкого сокращения продолжительности жизни и угрозы полного исчезновения запасов пресной воды?..

Забирая Прану из собственной планеты и населявших ее живых существ, императоры творили чудеса, посылали знания, черпаемые из самой Вселенной, ученым, наделяли вдохновением писателей, поэтов и художников, лечили болезни, увеличивали урожай...

Но все это не давалось даром. Выкачивая энергию из планеты, однажды тартаринцы практически полностью уничтожили на ней все живое, и это чуть не привело к гибели их самих.

В учебниках по имперской истории этот период известен как «Смерть королевства и начало становления Империи». Нехватка пищи и ресурсов вынудила эрлов отправиться на поиски других миров с целью порабощения и завладения их Праной. Так началась эпоха завоеваний и расширения Империи.

Используя полученную энергию, эрлы начали потихоньку восстанавливать свою планету. Лишь спустя несколько тысячелетий удалось частично возродить разнообразие животных и растений, которые были едва ли не безвозвратно потеряны из-за ненасытной алчности тартарианцев. Но половина их планеты до сих пор представляла собой безжизненную пустыню, нахождение в которой грозило гибелью всему живому.

— ...Каких усилий моему отцу, императору Фан Вол Гору, стоило восстановление планеты. Сколько живых существ заплатили за то, чтобы сегодня вы дышали чистым воздухом.

Низшие не были виноваты в ненасытных желаниях наших предков. Тогда почему им приходится платить до сих пор своим будущим и настоящим?

– Это привилегия сильных, Ваше Величество. И...

– Не надо меня учить быть сильным, Готто Гвал. Решение принято и не обсуждается. Кто не согласен, пусть покинет эту комнату сейчас же, – император окинул советников пронзительным взглядом. – Я не потерплю неподчинения. Тем более – от членов Малого Круга, которые подбираются лично мной и дают клятву верности.

В комнате повисла гробовая тишина. Было лишь слышно, как две увесистые капли пота прокатились по спине толстого советника Янг Аабаджа, который направил взгляд куда-то в сторону, опасаясь смотреть в глаза властелину.

В Империи Тартарин, которая была названа в честь планеты, заселенной остроухими человекоподобными существами – эрлами, – всегда все шло по веками придуманным правилам и законам, которые не решался нарушить никто. Цивилизация росла и развивалась. Завоевывались и порабощались другие планеты, создавая новые владения для бесконечно растущей Космической Империи.

Власть императорского рода базировалась на Пране – силе, которой было пропитано все живое и которая черпалась из живых организмов, заселявших планеты. Но она была доступна лишь единицам, а с тех самых пор, как планета Тартарин чуть не погибла, вообще под запретом. После

нескольких веков усердной работы императорской инквизиции, на известных планетах не осталось больше существ способных подчинить Прану своей воле. Теперь только императорские особы могли ее использовать и передавать знания о ней из поколения в поколение.

– Хорошо. Тогда даю вам три дня для внесения предложений, которые мы обсудим после Праздника обряда клеймения в честь моего сына и будущего властителя империи, – властно сказал Дан Хан Кон. Он склонился к брату и произнес чуть тише: – Готто Гвал, проработай вопрос прекращения проекта по освоению дальних миров и возвращению черных кристаллов обратно на Тартарин. Мы не можем подвергаться такой опасности, оставляя их на планетах других рас.

– Но мы так потеряем контроль над подчиненными мирами. Благодаря кристаллам мы можем в любой момент использовать их Прану. И это символ нашей власти как-никак, – он пожал плечами.

– Мне это известно, брат. И именно для того, чтобы не было соблазна использовать чужую Прану, мы обязаны вернуть кристаллы на Тартарин для дальнейшего уничтожения. Многим свобода может действительно вскружить голову и они попытаются обратить звездные камни против нас же самих.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – покорно ответил первый советник, слегка опустив голову.

– Думаю всем понятно, что я не желаю, чтобы у нас остал-

ся хоть малейший соблазн воспользоваться Праной других планет? – император громко обратился к советникам и посмотрел в их лица. В зале стояла полная тишина. – На этом наше заседание объявляю закрытым. Через три дня мы вновь встретимся для обсуждения ваших предложений и принятия окончательного решения. Прошу всех покинуть Малый Круг, мне необходимо обсудить с сыном не менее важные вопросы.

Советники поспешно вышли из кабинета, о чем-то жаростно перешептываясь и прикрывая губы ладонями. Принц с императором остались один на один. Дан Хан Кон махнул рукой, и мальчик подошел к нему ближе, опустил голову и уставившись в пол.

– Ты опять будешь сердиться, отец? – жалобно спросил он.

– Я никогда не сержусь на тебя. Если и бываю строг, то для твоего же блага, – спокойным голосом ответил император. – Расскажи, что ты делал сегодня на нижних уровнях дворца? Ведь я запрещал тебе посещать это место, и, насколько я помню, уже не первый раз.

В голосе отца Рон Хан чувствовал силу и власть. Его грозный всепроникающий взгляд пронизывал насквозь, но в то же время казался добрым и понимающим.

– Я гонялся за сестрой. Она забрала подарок мамы без спроса. Он мне очень дорог.

– Вы одна семья, и у вас должно быть все общее. Предметы не могут стать причиной ссоры с родными. И уж тем

более они не могут заставить тебя испытывать гнев по отношению к собственной сестре.

– Я же не беру ее дурацкие куклы! И зачем ей статуэтки императора и императрицы, которые мне подарила мама? Ее забавляет издеваться надо мной, вот и все. Она старше, быстрее и сильнее меня. Как не пытался, мне за ней не удалось угнаться, – принц с грустным видом смотрел на отца большими зелеными глазами.

– Ты не можешь себе позволять выходить из себя из-за таких мелочей. В мире нет вещей и событий, из-за которых можно испытывать злость. Все идет так, как угодно Пране. А бесконтрольное использование эмоций – не качество будущего императора. Ты должен научиться контролировать их. Выливая гнев на других, прежде всего ты отравляешь собственную душу, – Дан Хан Кон положил руку на плечо Рон Хана. – Ты понимаешь, о чем я? Гнев не дает твоему разуму светиться и принимать верные решения. Нельзя исцелиться, принимая яд.

– Все равно, я отправлю ее в темницу на Ауш Кулле, когда стану императором, – сквозь выступившие слезы повторил свою угрозу мальчик. – Она должна проявлять больше уважения к своему будущему императору.

Он все никак не мог понять, почему не должен злиться на тех, кто причиняет ему боль. Они как никто другой заслуживают ненависти и мести. И зачем нужны тогда эти эмоции, если их нельзя испытывать?

– Это всего лишь слова, сказанные сгоряча, – император посмотрел в глаза мальчика и похлопал его по плечу. – Ты же любишь свою сестру. К тому же традиции древних уже не используются тысячи лет. Разве учитель Нордук тебе не рассказывал об этом? Братьев и сестер наследников престола уже давным-давно не отправляют в темницу.

– Я смогу восстановить традиции, когда власть перейдет ко мне, – не унимался Рон Хан.

– Довольно. Я не собираюсь пока умирать, так что с ее отправкой на Ауш Кулл тебе придется повременить. Я поговорю с Аффией. А к тому времени, мне кажется, ты разберёшься в себе и научишься принимать правильные решения, – сурово произнес император, – Но позвал я тебя не за этим.

– А зачем? – с любопытством спросил принц, вытирая рукавом слезы, которые уже градом катились по розовым пухлым щекам.

– Через три дня будет проведен обряд твоего клеймения, а значит, ты сможешь учиться использовать магию Праны. Вот он самый знаменательный день в жизни императора. День, когда твое тело примет безграничную энергию, которая одарит тебя мудростью. Постарайся запомнить каждое мгновение.

– Здорово! – восхитился мальчик и подпрыгнул, хлопая в ладоши. – Будет великий праздник с множеством гостей, великолепными угощениями и большим тортом. Так еще мне должны подарить огромную кучу подарков.

– Это все мало меня интересует, сынок. Веселье – лишь развлечение для глаз ликующей толпы, оно не должно отвлекать тебя от основной задачи.

– Я сделаю все, что ты скажешь, отец!

– Обряд клеймения – очень большая ответственность. Нужно собрать воедино всю свою волю и выдержку, чтобы пройти этот путь. Боль, которую тебе предстоит испытать, придется нести всю свою жизнь.

– Боль?! – со страхом и удивлением спросил Рон Хан и ухватился за колено отца обеими руками. – Мне никто не говорил, что будет больно. Даже учитель Нордук не упоминал об этом ни словом. Я думал, что лишь получу огромную силу, от которой засну на несколько дней, а когда проснусь, то смогу использовать магию Праны. Стану таким же великим, как ты.

Дан Хан Кон подхватил сына и усадил себе на колено. Он с сочувствием посмотрел на него и игриво погладил по золотистым волосам, которые спадали на длинную бороду императора.

Рон Хан почувствовал тепло, исходящее из груди отца. Оно дарило покой и безмятежность. Ему захотелось прижаться ближе к его сердцу. Такому мощному и сильному, что казалось его удары толкают кровь не только в теле императора, а заставляют двигаться всю Вселенную.

– Боль – это неотъемлемая часть жизни. Ты должен научиться с благодарностью принимать все ее проявления.

Боль толкает тебя на развитие, только благодаря ей ты сможешь идти вперед и принимать верные решения. В дальнейшем ты научишься жить с ней. Она станет частью тебя, не причиняя никакого вреда.

– Как можно жить с постоянной болью? – не мог понять принц.

За разговором он пытался слушать биение отцовского сердца, прижимая ухо к его груди.

– Я научу тебя, когда придет время. А пока нам надо подумать, как подготовить тебя к обряду. Я не совсем уверен, что ты готов и выдержишь его. Тем не менее, в твоих жилах течет моя кровь, а значит, ты просто обязан справиться. И ты справишься. Тысячи лет существовала наша цивилизация только благодаря Пране. Благодаря умелому ее использованию великими императорами прошлого. Власть, данная им, которую унаследует и ты, практически безгранична в мире живых существ, но ни один из них не применял Прану в полную силу. Никому не позволено нарушать равновесие Вселенной. Запомни это! Ты не должен использовать Прану, когда тобой обуревают злость, обида, либо отчаяние. Пообещай мне, что твоя сила будет направлена только на благие дела.

– Конечно, пап. Обещаю, – Рон Хан вновь посмотрел отцу в глаза.

– Ты должен понять, что не Прана дает тебе власть, а ты позволяешь ей течь сквозь тебя, тем самым пробуждая эту спящую внутри силу. Не Прана контролирует тебя, даруя

безграничные возможности, а ты владеешь ею. Запомни это. Я научу тебя магии Праны. Ты сможешь стать быстрее, умнее, сильнее всех остальных живых существ во Вселенной. Но это большая ответственность. Ты понимаешь, что я хочу донести до тебя, сын?

– Угу, – соглашаясь, промычал мальчик и кивнул. Ему хотелось поскорее испробовать все то, о чем говорил император. – Но зачем нам такая сила, если я не могу ее применять, как мне вздумается? Уничтожать непокорных, поработать новые миры. Мы же все это делаем? Почему надо себя ограничивать?

– Ты всего лишь временное пристанище этой силы, лишь ее хранитель. Скоро я начну тебя обучать. Твоя основная задача – передать ее в дальнейшем своему сыну. Зло, творимое в прошлом эрлами, должно сгинуть. Теперь нам нет необходимости делить мир на высших и низших. Все равны. Я принял решение. Оно скоро вступит в силу, ознаменовав новую эру в истории нашей цивилизации. Тебе достанется новая, только зародившаяся империя, которая будет жить по другим законам – законам равенства и взаимопомощи. Сохрани её. От силы твоей Праны будет зависеть, расцветёт она или погибнет.

Император оглядел гобелены, висевшие на стенах, и задумался на несколько минут.

Не всех властелинов прошлого интересовало благополучие дальних планет. Порой они увлекались, используя свою

безграничную силу кто во что горазд: некоторые продлевали себе жизнь – но это практика не получила распространения, ведь наблюдать за тем, как старятся и умирают собственные дети, было не легким испытанием; другие использовали Прану для развития технологий, поиска живых миров, увеличения мощности космических кораблей и многих других полезных вещей, ведущих к быстрому развитию цивилизации; третьи уничтожали миры от скуки, упиваясь властью над всем живым.

– Я не подведу тебя, отец.

– Еще бы, – улыбнулся Дан Хан Кон. – А теперь ступай. Зайди к матери, она поможет тебе определиться с фамильяром. Кстати, ты уже выбрал себе кого-нибудь?

– Я думал хрутца взять. У них такой смешной вид, длинные уши и короткие лапы. И еще с ними мало мороки, ведь они спят практически всегда.

– Они, может, и забавные, но медлительные и неуклюжие. Выбери себе того, от кого будет хоть какая-то польза. Тебе, как истинному эрлу и моему наследнику, позволено выбрать любое животное, которое только возможно найти в бесконечных мирах нашей необъятной империи. Фамильяр с тобой будет всю жизнь, поэтому отнесись к этому выбору как можно серьезнее. – Император выпрямился на своем кресле и скрестил руки на груди, серьезно посмотрев на Рон Хана. – Но выбирай сердцем.

– А как насчет летучей мыши, как у дяди Готто Гвала?

Они быстрые и в случае чего могут отвлечь на себя внимание врагов. С ними можно отправлять мелкие предметы, — поинтересовался мальчик.

— Это страшное и мерзкое животное мой брат приобрел еще в детстве. Он нашел летучую мышь со сломанным крылом и вылечил ее. После этого они уже были неразлучны. Но тебе не стоит останавливать свой выбор на подобной твари! Выбери кого-нибудь достойного для императора. Ты поймешь, когда увидишь своего фамильяра. Почувствуешь это. А теперь ступай, мать поможет тебе.

Принц кивнул курчавой светлой головой и мигом выско-чил из комнаты. Предчувствие обладания собственным жи-вотным безмерно радовала его, вызывая приятное журча-ние в животе. Ему хотелось поскорее отправиться с матерью на рынок и посмотреть на всевозможных зверюшек.

1.4 Странный монах

Императрица вопросительно посмотрела на свою дочь. Афия отвела глаза в сторону, явно опасаясь гнева матери.

– Вот эти никчёмные штуки, – тихо промолвила она, со стуком положив деревянные фигурки на стеклянный прикроватный столик. – И такая ерунда вызвала в нем столько негодования.

– Тебе следует уважительнее относиться к своему младшему брату, Афия, – спокойным голосом сказала императрица. – Он будущий владыка и тебе, как и всем остальным жителям империи, придется подчиняться.

Девочка непонимающе посмотрела и задумалась.

– Еще чего. Он все время грозит отправить меня на Ауш Кулл, – оправдалась принцесса. – Он ведет себя так, будто отец уже умер и вся Вселенная принадлежит лишь ему одному. И еще меня бесит его приказной тон!

– Рон Хан так говорит, потому что не в силах совладать с тобой, – успокоила ее императрица. – Он еще слишком юн. Отнесись к младшему брату с пониманием.

– А если действительно, после вашей с папой смерти, ему взбредет в голову разделаться со мной? Мне бы не хотелось провести всю жизнь в заточении. Или куда хуже, он захочет убить меня.

– Не говори так. Твой брат любит тебя и не причинит вре-

да. Я не сомневаюсь в этом.

– Сколько у нас в истории было сумасшедших правителей, которые сжигали своих братьев и сестер? А сколько представителей императорского рода заживо сгнило на Ауш Кулле? Ты предлагаешь мне разделить их судьбу? – не успокаивалась принцесса.

Императрица строго посмотрела на нее.

– Нет, твой брат, очень хороший и добрый мальчик. Он не сможет сделать тебе ничего плохого.

– Мне бы твою уверенность... – разочарованно проговорила Афия.

Ей явно не хотелось продолжать этот разговор, она зарыдала и, прикрывая руками лицо, выбежала из комнаты.

– Афия?! – крикнула ей в след мать.

Но девочка ее не услышала и, всхлипывая, побежала по коридору, в котором ненароком столкнулась со своим братом. Рон Хан от неожиданности отскочил в сторону и еле удержался на ногах, успев опереться о стену. Ни сказав ни слова принцесса промчалась мимо.

– Сумасшедшая, – буркнул принц и принялся тереть друг об друга ушибленные ладошки. – И что это с ней?

Два охранника императорских покоев, одетые в ярко-алые парадные камзолы и шапки из белого медвежьего меха, склонили головы, поприветствовав Рон Хана, когда он проходил мимо в комнату своей матери.

Императрица сидела на пышном лиловом диване, забро-

сив ногу на ногу. У нее были строгие красивые черты лица. Пышные золотистые волосы, завитые изящными локонами, украшенные драгоценными камнями, небрежно свисали до самого пола, создавая единый рисунок с узором на цветастом ситцевом платье. Ее тонкие белые руки лежали на коленях. Цвет кожи женщины отличался ослепительной белизной и казался неестественно ярким, создавая вокруг нее магическую ауру. Эта особенность выделяла ее из всех представителей расы эрлов, к которой она принадлежала, тон кожи которых от рождения варьировал от нежно-голубого до темно-синего. Конечно, считалось, что чем светлее кожа, тем благороднее и древнее род представителя и тем чище его кровь. Но на самом же деле, цвет кожи эрлов менялся с возрастом, и любой малыш, родившейся с темно-синим оттенком, мог через пару десятков лет стать намного светлее. Ясные голубые глаза императрицы смотрели из-под тонких каштановых бровей, придававших выразительность ее взгляду. Казалось, ее глаза способны как испепелять, так и исцелять любого, кто заглянет в них. Однако привычка к всеобщему поклонению и власти над окружающими придавала этой тартарианской женщине особую величавость. На шее у нее висела золотая цепочка с маленьким кулоном, украшенным разноцветными камнями. На обнаженных руках сверкали серебряные браслеты.

– А, Рон Хан! Ты уже был у отца? – добродушно спросила она и ласково улыбнулась, глядя на вошедшего сына.

– Да, мам, – ответил принц, остановившись возле двери. – Отец сказал, что ты мне поможешь выбрать фамильяра. Это правда?

– Твой отец прямой, как ножка стула. Он просто не умеет делать сюрпризы. Я думала, это будет твой подарок в честь обряда клеймения... – немного разочарованно сказала она. – Вероятно, он боится, что ты выберешь бесполезного и бесполезного зверька. Твой отец настаивал, чтобы животных принесли во дворец, и ты сделал здесь свой выбор, но я сочла необходимым посетить рынок, чтобы не превращать дворец в зверинец. К тому же животных там намного больше, чем могли бы доставить сюда.

Она на мгновение задумалась и отвела взгляд в сторону, словно пытаясь что-то вспомнить или, наоборот, забыть. В ее больших глазах пробежал отблеск тоски. Рон Хан уже знал это выражение лица, означающее только одно – его родители опять в ссоре. Между ними последнее время часто возникало недопонимание, вероятнее всего, по причине вопросов, связанных с управлением империей. Мать старалась не лезть в дела отца, но иногда, когда он собирался принять слишком уж радикальные решения, пыталась вмешиваться, применяя всю свою женскую харизму, которая все равно не имела влияния на императора Дан Хан Кона, недаром славившегося своей непреклонностью.

Рон Хан, как любой ребенок, тяжело переносил их ссоры, пытаясь поскорее помирить. Но сейчас его детская голова

была занята лишь мыслями о предстоящем обряде клеймения и покупкой фамильяра, которого он с нетерпением ждал и в своих мечтах представлял, какой он будет. Цвет, рост, размах крыльев, оттенок изрыгаемого им пламени. Сначала принц хотел приобрести огнедышащего малыша-дракона. Он думал, как будет заботиться о нем, кормить и обучать различным приемам и командам. Все эти знания он мог бы легко прочитать в книгах, которые в обилии хранились в императорской библиотеке. И к тому же у него под рукой целая ходячая энциклопедия в виде учителя Нордука, который мог на практике применить имевшиеся у него знания по воспитанию этих животных. Но после происшествия с игрушечным драконом, которого принцу подарили на прошлый день рождения, мальчик понимал, что мать вряд ли позволит ему завести «живое воплощение ее детских кошмаров», как она говорила. В любом случае, скоро все его мечты сбудутся, поэтому небольшая грусть на лице матери не привлекла его особого внимания.

– А правда, что у папы фамильяр – это крылатый нирганский лев, которого он прячет в подземелье под дворцом? – заинтересовано спросил принц, подумывая о приобретении подобной зверушки для себя.

– Да, мой дорогой. Это огромное крылатое чудовище, которое перестало слушаться твоего отца, поэтому он запер его на нижних уровнях подземелья. Но об этом знаем только мы. И никому не надо рассказывать, что папа прячет чудовище.

Хорошо? Это наш с тобой секрет, – она загадочно улыбнулась. – Забудем про этого зверя. Так кого ты хочешь себе получить в фамильяры?

– Я бы хотел хрутца, но папа сказал, что он медлительный и неуклюжий, – принц развел руками и присел на край дивана рядом с матерью.

– Это точно, от него толку не будет. Зачем тебе ленивое неповоротливое животное? Разве что сможешь использовать его в качестве подушки. Тебе следует выбрать кого-то другого, – она поднялась и быстрым шагом направилась к дверям. – Мы сейчас же отправляемся с тобой на рынок. Идем. Не будем терять время.

– Здорово! – закричал мальчик и, ловко спрыгнув с дивана, засеменял вслед за матерью.

Они торопливо спустились по парадной мраморной лестнице с золочеными перилами в центральный холл дворца. У главного входа их уже ожидал роскошный удлиненный лендспидер черного цвета – такие использовались исключительно членами императорской семьи и выделялись в общем потоке передвижных средств, которых на улицах столицы было превеликое множество.

Водитель поприветствовал их низким поклоном и приоткрыл дверь, приглашая занять места. Управление императорским лендспидером могли доверить исключительно эрлу, ведь ему приходилось выполнять еще и роль телохранителя. Но пока его крупное телосложение и огромные руки приго-

ждались разве что для открытия дверей и переноса тяжелых сумок с покупками. Одет он был в строгий серый костюм, а на шее красовалась изящная черная бабочка.

– Прошу садиться, Ваше Величество, – водитель поклонился еще ниже.

– Благодарю, Зиан Бокин, – учтиво ответила императрица и поднялась по ступенькам.

Пропустив принца вперед, она присела на мягкий кожаный диван, расположенный вдоль окон практически по всей длине салона.

Покинув территорию дворца, они на небольшой высоте тихо промчались мимо городского парка, утопавшего в зелени деревьев и кустарников, ловя удивленные взгляды горожан, отдохавших возле фонтанов причудливой формы. Рон Хан прижался к окну и наблюдал за динамично менявшейся картиной города.

За парком начинался элитный квартал с частными резиденциями, бассейнами и оранжереями. Придворные, знать, представители древнейших родов и богатейшие персоны высшей расы любили селиться именно в этом районе, потому что только тут они могли выделиться на фоне менее обеспеченных горожан.

Далее шли кварталы попроще. Из занятий по истории Тартарина принц знал, что всего кварталов девять и меняются они в зависимости от уровня обеспеченности проживающего в них населения. В первых трех кварталах разре-

шалось селиться только представителям высшей расы – эрлам, коренным жителям Тартарина. Хотя это правило часто нарушалось более обеспеченными выходцами из других рас. Некоторые из них, например, успешные торговцы и предприниматели, способные выкупить себе лицензию имперской торговой федерации и осуществлять свою деятельность на территории всей империи, приобретали себе дома в элитных районах столицы на подставных лиц, которыми чаще всего выступали эрлы, решившие заработать таким образом немного денег.

Сначала шли частные дома, высота которых уменьшалась по мере продвижения от дворцовой площади. Затем многоэтажные, высота которых начинала расти от квартала к кварталу. И уже к окраине города вырастала до небес, закрывая солнечный свет и погружая в нескончаемые сумерки более низкие близлежащие постройки.

– Мам, а правда, что жители тех высоких домов на окраине города могут потрогать облака руками? – спросил принц, тыкая пальчиком в окно, указывая на верхушки небоскребов.

Небо было ясным, но несколько туч все равно задевали крыши домов, заслоняя их, так что определить реальную высоту было невозможно. Рон Хан представил, как дома уходят далеко в небо до самого космоса, а может быть и дальше – до других планет. Вот было бы здорово сесть на лифт и подняться на другую планету! Не надо тебе космических

кораблей и долгих полетов. Нажал на кнопку нужного этажа, и ты уже в другом мире.

Императрица смотрела в сторону дворца, погруженная в мысли, известные только ей. Она слегка повернула голову, на миг оторвавшись от своих раздумий.

– Я не поднималась так высоко, Рон Хан. Но думаю, вполне возможно, что за завтраком жители высоток наблюдают облака, глядя в свои окна. Ведь больше им и смотреть-то не на что.

Тем временем лендспидер подлетал к рыночной площади столицы. За высоким забором уже виднелись ларьки с разноцветными крышами и многоэтажные магазинчики, витрины которых были украшены мигающими вывесками.

– К животному сектору, будь так любезен, – уважительно попросила императрица, обращаясь к водителю.

– Слушаюсь, моя госпожа! – послушно ответил он.

Лендспидер сделал несколько поворотов, облетая постройки и припаркованные космические корабли-погрузчики, из которых вереницей тянулись тягачи, перевозящие тюки со всевозможными товарами. Приземлившись напротив блестящих ворот, над которыми красовалась вывеска «Рынок ручных животных», Зиан Бокин повернулся и ровным голосом объявил:

– Это здесь, Ваше Величество. Вас сопровождать?

– Сегодня в этом нет необходимости. Жди нас тут, – бегло ответила императрица и слегка подтолкнула сына в спину. –

Идем, Рон Хан. Нам нужно поторопиться, ты ведь не хочешь, чтобы всех красавцев разобрали...

На рынке было полным полно всякой живности. Со всех известных уголков империи слетались сюда торговцы. Ведь только в столице за свой товар можно было выручить самую лучшую цену. Сотни небольших и средних торговых лавок, взгромоздясь друг на друга в несколько ярусов, напоминали пчелиные соты, между которыми в суете бегали покупатели. На центральной аллее расположились более крупные магазины с переливающимися всеми цветами яркими витринами в несколько этажей.

Возле одного такого над входом красовалась вывеска «Редкие разнопланетные животные», написанная большими светящимися буквами, и чуть ниже надпись поменьше – «Для души и для работы, и на все случаи жизни».

Прислонившись к стене недалеко от входа, стоял мужчина в ярко красной мантии. По всей видимости, монах Императорского Собора, только им разрешалось официально пропагандировать религию империи вне стенах храма. Все остальные религии были под запретом, и их распространение на Тартарине каралось смертной казнью. Лицо незнакомца скрывал капюшон, а на шее висел амулет с пятью разноцветными камнями, четверо из которых символизировали стихии – Огонь, Воду, Воздух и Землю, – а пятый, расположенный посередине, был темно-фиолетового цвета и обозначал Прану, имеющую власть над всеми стихиями и объ-

единяющую их в одно целое.

Увидев императрицу с сыном, монах выпрямился и резко направился в их сторону. Ловко обойдя несколько прохожих, он в пару мгновений очутился возле мальчика, взял его за руку, присел, чтобы быть вровень с принцем, и, отодвинув капюшон, пристально посмотрел на него серыми стеклянными глазами.

От неожиданности мальчик испугался и резко дернулся назад. Его мать уже давно заметила приближавшегося монаха, но знала, что ни ей, ни принцу ничего не угрожает – служители Императорского Собора давали клятву верности, которая была закреплена клеймом. В случае предательства, если бы монах задумал нанести вред кому-либо из членов императорской семьи, клеймо вызвало бы нестерпимую боль и мучительную смерть. К предательству приравнивались даже мысли о предательстве семьи императора, возникающие в головах монахов, поэтому немногим из них удавалось выжить после ритуала.

– Не бойся, Рон Хан, – успокоила императрица сына. – Ты же будущий властелин, тебе нечего бояться никого в своих землях. Ты тут хозяин, так будь же им.

– Святая правда, моя госпожа, – тихим, но грубым голосом сказал монах, опуская голову практически до самой земли. – Позволь мне сказать. Не в силах я сдержать то, что идет из глубин моей головы. Это голос Праны, она требует, чтобы ее слышали.

Монахи обладали особым даром предвидения, который обретали после долгих пыток и перенесенной боли в годы подготовки к своему посвящению – считалось, что так их сознание раскрывается, и они приобретают дар видеть будущее. В это мало кто верил, и скорее всего нескончаемая боль вызывала у них помутнение рассудка. Периодически к монахам действительно приходили разные видения, но истолковать их могли немногие. Обычно впадая в подобный транс, сами монахи потом не могли вспомнить все сказанное ими. Так как видения их случались по большей части спонтанно, многие из них оставались не расшифрованными лишь из-за того, что никого не оказалось рядом во время очередного приступа. Но эрлы очень уважительно относились к монахам, считая их святыми, несущими свет Праны в темноту мира. Выслушать предсказание было огромной честью.

– Говори, монах, – разрешила императрица.

– Хитрость и скрытность нужна тебе, мой принц. Ищи белого зверя. Он твой, – проговорил монах, отпустил руку мальчика и поднялся с колен. Он вновь спрятал глаза за капюшоном и указал на императрицу. Его голос стал намного громче. – Но не к юнцу обращены мои видения, а к его матери. Трудные времена ждут всех нас. Вижу боль и страдания... Тот, кому веришь, предаст... предаст дважды. Путь... путь во сне... Ты должна быть сильной. Только тебе дано решить наши судьбы. Сделай правильный выбор. Откажись от самого ценного, и твоя жертва спасет всех.

Он схватился обеими руками за голову, упал и начал биться в судорожном припадке, катаясь по земле. Пена выступила из его рта, глаза вылезли из орбит, а на лице отобразился отпечаток дикого страха. Через несколько секунд он застыл и больше не пошевелился. Куча гуманоидов вмиг окружила императрицу и принца. Тут же понеслись несвязные разговоры и шепот: «императрица», «принц», «на рынке», «что сказал монах...», «трудные времена, всех нас ждет боль и страдания...». Причитания разносились все дальше и дальше. Мальчик стоял, как вкопанный, не понимая, что происходит. Первый раз он видел смерть так близко своими собственными глазами, и она была ужасна и мучительна.

– Нам пора, Рон Хан, – строго сказала императрица, держа принца за руку. – Сходить скрытно за покупками у нас не получилось. Что ж, тогда пойдем официально, – она смело двинулась сквозь толпу, ведя мальчика за собой. – А ну разошлись все! Немедленно!

Все мигом расступились, образовав широкий коридор. Никому не хотелось вызвать гнев императрицы, которая решительно двигалась к входу в ближайший магазин, продавец которого уже распахивал перед ней двери своей лавки и приветливо улыбался.

1.5 Эггер Маккинори

Только эрлам из высших сословий разрешалось брать фамильяра из животных или даже из представителей низших разумных существ. Многие из них выбирали себе в услужение гуманоидов из жителей поработанных планет, которых затем превращали в подобие кукол, безоговорочно выполняющих все прихоти своего владельца. На них накладывали заклятие преданности и смерти. Практически такие же, как на монахов Императорского Собора, только преданность животного еще подпитывалась природными инстинктами верности своему хозяину и образовывала неразрывную связь с ним. Со временем эта связи приобретала такую мощную силу, что давала возможность общаться со своим фамильяром даже находясь на разных планетах.

– Ваше Величество, какая честь! Какая честь! Я и подумать не мог, что сегодня такие важные особы посетят мою захудалую лачугу! – кланяясь, промурлыкал торговец. – Эггер-р-р Маккинор-р-ри, моя импер-р-ратрица. К вашим услугам. Чем такой скр-р-ромный торговец, как я, сумел заслужить такое счастье лицезреть столь пр-р-рекрасные лица в этом никудышном магазине? Ах, если б я только знал, кто соизволит почтить его своим присутствием, то днями и ночами лично вылизал бы тут каждый уголок.

Торговец относился к низшей расе другдбулов и обладал

типичными чертами лица, присущими ей. У него были маленькие впалые коричневые глаза, зрачки которых безостановочно бегали в разные стороны, придавая ему, несмотря на дорогой деловой костюм, вид сумасшедшего. Небольшие торчащие уши по форме напоминали кошачьи. Приплюснутый небольшой нос и покрытое короткой коричневой шерстью лицо. На шее болталась увесистая золотая цепь с амулетом, украшенным ярко-красным камнем в центре, обозначающим причастность к Императорской торговой гильдии. Обладание столь высокой наградой было пределом мечтаний любого торговца, даже для представителя эрлов, и давало возможность вести дела в любой точке известной Вселенной. Другдбулам в числе немногих рас разрешалось торговать на Тартарине, но налоги для них были гораздо выше, чем установленные для коренных жителей столицы.

Эггер Маккинори по внешнему виду не сильно отличался от животных, которых он с таким упорством и обходительностью продавал своим клиентам. Рон Хан даже немного улыбнулся, когда представил, что вместо какого-нибудь клыкастого зверя купит себе в фамильяры местного торговца. Как будет держать его в клетке и обучать всевозможным трюкам, заставляя приносить в зубах тапочки или мячик.

Появление в магазине первых лиц империи немного шокировало Эггера. Но, будучи не робкого десятка, он немедленно взял ситуацию в свои руки.

Поклонившись еще несколько раз, он громко шелкнул

пальцами, и слуги, испуганно прятавшиеся в подсобном помещении, мигом принесли два роскошных мягких кресла и поставили позади только что вошедших покупателей.

Эггер, опустив голову как можно ниже и растянувшись в широкой улыбке, обратился к принцу, одновременно сделав жест рукой выглядывавшим из-за прилавка помощникам. Те все поняли сразу, и через пару секунд в магазине не осталось других посетителей. Их быстро вытолкнули за дверь, которую тут же закрыли на замок. Жалюзи на окнах медленно съезжали вниз, заставляя опускать головы наблюдающих зевак все ниже и ниже до тех пор, пока окончательно не скрыли из виду Рон Хана с императрицей.

– Странная у вас манера зазывать покупателей с помощью сумасшедших монахов, – резким тоном сказала она. – Я и подумать не могла, что встречу безумца на рынке в столице.

– О, моя госпожа, к сожалению, тут их полным-полно. Да и где ж им быть, как не на рынке? Сумасшедший дом, да и только, – с пониманием и грустью выдохнул торговец. – Он стоял тут с самого утр-р-ра. Мы хотели отогнать его, но вы же знаете этих монахов – они под защитой закона. Он не нар-р-рушал пор-р-рядок, поэтому позвать стр-р-ражников у нас не было никаких оснований. К тому же выгонять служителя Импер-р-раторского Собор-р-ра чр-р-реватом последствием. В любом случае, я приношу самые искренние извинения, если мой магазин стал причиной вашего плохого настроения. Если бы я только знал, что задумал этот... этот бе-

зубы. – Попр-р-рошу маленького господина пройти вот сюда...

Рон Хан спрыгнул с кресла и молниеносно схватил пару пирожных со стола. Безумно радуясь своей находке, он попытался засунуть одно себе в рот, но строгий голос матери быстро остановил его.

– Не вздумай есть сладкое, Рон Хан. Во первых не порть аппетит перед обедом, а во вторых важные решения следует принимать исключительно на голодный желудок, – она встряхнула его ладошки и сладости выскользнули на пол.

– Но, мам, это всего лишь зверюшки. Я и с закрытыми глазами пойму, кого выбрать. Чего же тут важного, – возмутился мальчик, и с грустью посмотрел, как пирожные укатываются от него по полу.

– Что тут важного?! – удивилась императрица. – С этой зверюшкой тебе придется прожить всю жизнь. А это, поверь мне, как жене твоего отца, очень важно.

Она рассмеялась со своей шутки, и Эггер Маккинори застенчиво поддержал ее улыбкой. Рон Хан не понял от чего взрослым вдруг стало так смешно. Его внимание привлек робот-уборщик, который с гулом промчался мимо них и через секунду пол вновь заблестел от чистоты. Принц разочарованно фыркнул.

Торговец провел мальчика в дальний конец своего магазина. Они продвигались не спеша, разглядывая обитателя каждой клетки и вольера. Мальчик первый раз в жизни оказал-

ся в окружении такого количества разнообразных животных. Обилие видов и расцветок удивляло, а от неприятного запаха кружилась голова и слезились глаза. В магазине стоял шум и гам. Чирикали попугаи, сидящие на жердочках в клетках, важно расправив свои перышки. Из угла в угол стайкой метались пушистые серые волчата, рыча и хватая друг друга за хвостики. Маленький черный медвежонок лениво почесывал пузико. Тигрята мяукали и катались по полу, играя. В большом огороженном деревянном вольере тщательно пережевывали траву белые пони, гривы которых были заботливо заплетены в косички. Тут же кудахтали хохлатые куры, крикали утки, неуклюже переваливаясь с бока на бок, спеша к кормушке. На полках в несколько рядов были расставлены клетки, в которых содержались небольшие животные вроде ящериц и аквариумы с насекомыми.

– У меня в магазине представлен самый большой ассортимент животных со всей Империи. Тем не менее, если Вашему Величеству угодно, можно сделать заказ на что-нибудь особенное, – сказал торговец, указывая на клетку, в которой махал крыльями небольшой остроносый зеленый дракончик. – Это болотный др-р-ракон, привезенный с Хорона. К сожалению, представлен в единственном экземпляре – быстр-р-ро разбирают. А поймать и доставить очень тяжело и накладно – мамы-драконихи не хотят добровольно расставаться со своими малышами.

– Хватит нам уже драконов, – отрезала императрица, ви-

дя, как у принца загораются глаза. – У нас уже был один, который чуть не сжег дворец. Правда, Рон Хан?

Мальчик опустил голову, вспоминая, как ему с друзьями было весело управлять огромным металлическим роботом, подаренным ему на день рождения. Но кто ж знал, что красная кнопка на пульте управления заставляет его извергать пламя, от которого так быстро загорелись занавески в игровой комнате?

– Это вышло совершенно случайно, – попробовал оправдаться принц. – Он был слишком большой для моей игровой. Надо было запускать его в лесу, тогда бы занавески не пострадали.

– Еще лесных пожаров нам не хватало, – сказала императрица. – Нет, Маккинори, подберите нам что-нибудь менее опасное, но более полезное.

– Буду рад услужить, Ваше Величество. Вот обр-р-ратите внимание на эту витр-р-рину, – он указал на стеклянные кубы, в которых находились желеподобные комки. Некоторые из них зависали в воздухе, а некоторые, распластавшись, прилипли к стеклу. – Намубийские лизуны, очень р-р-редкий вид. Они способны летать на большие расстояния и переносить легкие предметы. В том числе с ними можно отправить ключи от виллы на курорте Сирмы, если по пр-р-рилету обнаружилось, что их забыли на Тартарине. Особо преданные со временем учатся телепортироваться в те места, где им приходилось бывать.

– Почтальонов нам и так хватает. Нужно что-нибудь скрытное, но в тоже время от кого может быть польза и защита. Рон Хан, как ты думаешь?

Мальчик с удивлением рассматривал каждую клетку, аквариум и вольер. От разнообразия его и без того большие глаза становились еще шире, а рот самопроизвольно открывался. Ему хотелось забрать всех этих животных в свою игровую комнату во дворце и показать своим друзьям.

– Да, мама, – после заминки ответил принц, все еще не закрывая рот от удивления.

Они подошли к закрытой металлической двери. Маккинори порылся в кармане и с лязгом достал увесистую связку ключей. Поперебирая их, отпер замок, и дверь медленно отворилась.

– Добро пожаловать в мой террариум! – с восторгом пригласил торговец.

Императрица с принцем осторожно вошли в слабо освещенную комнату. Там было темно, прохладно, и вдоль стен тянулись ряды витрин, освещенных ультрафиолетовыми лампами. За стеклом меж камней и бревен ползали и извивались всевозможные змеи и ящерицы. А поодаль от них стояли большие банки с пауками.

– Тут находятся змеи местной фауны и с др-р-ругих планет тоже, тр-р-ропические и пустынные виды, питоны, удавы. Из змей для содержания в домашних условиях обычно приобретают маисовых полозов – они красивые, недорогие

и непр-р-рихотливые. Есть и те, кто заводит питонов. Вот, допустим, королевский тигровый...

Он поднял стеклянную крышку и достал полосатую змею, та быстро завилась вокруг его руки, ничуть не напугав торговца.

– ...Всего лишь детеныш. Вырастает до двенадцати метров, – с улыбкой сообщил торговец. – Хочешь подержать?..

Рон Хан протянул руку, и змея тут же переползла на нее. Принц почувствовал кожей ее скользкое холодное тело. Змея извивалась и смотрела на мальчика, потом раскрыла на голове желтый красивый гребень, похожий на корону.

– ...Ну как вам? Истинный фамильяр-р-р властелина! Не правда ли?

– По мне так слишком напыщенно, – махнула рукой императрица. – А практической пользы никакой.

Маккинори ловким отточенным движением размотал питона и снял его с руки Рон Хана, положив обратно в клетку. Тот обиженно пополз в дальний угол и спрятался под корягой.

– Есть также ящерицы – агамы, гекконы, сцинки, игуаны, вараны, пятнистые эублефары. Все выращиваются в частных коллекциях, скрещиваются и получают необычный окрас. Каждая ящерица уникальна...

В комнате стояли аквариумы с лягушками местных и тропических видов, привезенных с Хорона: квакши, жабы, древолазы, веслоноги. Многих из них Рон Хан подержал в ру-

ках.

– ...Эта зеленобрюхая квакша, – объяснил Маккинори, когда принц особенно увлекся очередной лягушкой, которая не хотела отправляться обратно в клетку и постоянно выпрыгивала в руки мальчика. – Для них главное влажность. Лучше положить камни, мох или губку, поставить поилку. Воду для наполнения отстаивают на дубовых листьях, которые ее обеззараживают. Едят квакши насекомых и некрупных тараканов. Маленьких кормят каждый день, взрослых реже – пару раз в неделю...

Он отдернул принца за рукав, когда тот в очередной раз попытался избавиться от надоедливой квакши.

– ...Аккуратней, Ваше Высочество! В коллекции есть пятнистые древолазы. Вот они. Маленькие, кр-р-расивые, но очень ядовитые лягушки, так как в природе они едят опр-р-ределенный вид муравьев. – Он отошел и зажег свет в темном углу комнаты, широко развел руками и таинственным голосом объявил: – Обратите внимание, тут содержатся пауки. Есть неядовитые, они очень спокойные и нешустрые. Выр-р-растают до полуметра в размахе лап и живут очень долго. Мы также привозим ядовитых, которые считаются достаточно р-р-редкими. В основном это у нас древесные виды. Но можем принять заказ на доставку и более крупных особей, например, мохначей. Они вырастают до значительных размеров и могут плести самую крепкую паутину. Ловцы нашей компании представлены во всех уголках импер-р-рии

и готовы выполнить даже самый изощренный заказ. За соответствующую оплату, разумеется...

Рон Хан не решился трогать пауков и наблюдал за ними, оставаясь в стороне. Те хаотично лазили в стеклянных банках, а некоторые дрались, образовывая затейливые комки, переплетаясь тонкими лапками.

– ...Что ж, – протяжно сказал Маккинори. – Вижу, здесь вас ничего не заинтересовало. Давайте пройдем дальше. Там будет еще интереснее...

Они вошли в продолговатую комнату, вдоль стен которой стояли клетки с пушистыми животными, по размеру не превосходившими кошек. Их необычный вид тут же привлек внимание Рон Хана.

– ...Это, мой принц, виверры, – видя заинтересованность мальчика, сказал торговец. – Конкретно вот эта – крупнопятнистая виверра – вид хищных млекопитающих семейства виверровых. Обитает в вечнозеленых лесах планеты Эльтанин. Длина тела может достигать целого метра, длина хвоста всего половину, вес порядка десяти килограмм... Настоящий боевой кот!

Он открыл клетку и достал небольшого юркого зверька, которого с трудом удерживал в руках. Горло его было украшено контрастным черно-белым рисунком. Окраска тела была серого цвета с вкраплением темно-коричневых и черных пятен на боках. Хвост с черным гребнем. У основания хвоста неполные белые полосы. Оболочки кожи на ногтях

и мохнатые подошвы ног.

– Довольно с нас экскурсии по представителям животного мира, Маккинори, – строго сказала императрица. – Ты знаешь, что нам нужно. Так почему не покажешь сразу?

– Несомненно, моя госпожа. Я подумал, принцу будет интересно ознакомиться со всем моим ассортиментом. Но раз вы настаиваете... В самом деле, у меня сейчас есть три очень редких представителя. Они были привезены на заказ и их хозяева уже ждут не дождутся, когда заберут своих фамильяров. Но, думаю, ради принца они будут готовы подождать еще немного.

Он подошел к двери, на которой висела табличка «Выполненные заказы». В комнате находились всего три небольшие клетки. В первой, отвернувшись к стене, спал маленький черный тигренок с белыми полосами. Во второй, передвигаясь зигзагами, ползало насекомое, напоминавшее огромную сороконожку, при этом во время коротких остановок его тело начинало переливаться разными цветами, словно новогодняя гирлянда. Между прутьями третьей клетки торчала острая пушистая мордочка какого-то зверька. Его шкура натягивалась таким образом, что казалось, он улыбается при виде вошедших гостей, показывая свои острые зубки.

Зверек был белого цвета с черными пятнами, расположенными горизонтальными рядами. Хвост длинный, пушистый, с черными поперечными полосками. Он встал на задние лапки и, держась передними за прутья, потянулся к принцу сво-

ей длинной мордочкой, шевеля острым носом.

– Как вам этот кр-р-расавец? – спросил Эггер Маккинори, ловким движением доставая животное из клетки. Остроухий белый зверек с огромным пушистым хвостом, размерами с домашнюю кошку, не сопротивлялся. Напротив, он с удивлением разглядывал Рон Хана своими выпуклыми глазами. – Это генетта, очень юр-р-ркий и быстр-р-рый зверек. Гибкость и скорость куницы с характером и повадками кошки. Невероятно подвижный, хитрый и очень любопытный. То, что надо для ведения скрытых дел. Очень редкий представитель. Альбинос. Таких в прир-р-роде практически нет. Рождаются один на миллион. Поэтому и цена соответствующая. Природа сама помечает лучших своих пр-р-редставителей. Альбиносы более выносливые, умные и у них имеется врожденная способность к магии. Считается, что они намного преданнее обычных представителей своего вида. Этот был привезен с Эльтанина. Ох, как же тяжело было его поймать!..

Торговец покачал головой и опустил генетту на пол, та сразу запрыгнула на плечи принца и начала чесать ему ухо своим острым носом.

– Отстань, щекотно, – засмеялся мальчик и попытался смахнуть зверька с плеча. Но не тут-то было! Генетта ловко уворачивалась от его рук и продолжала игриво тыкать носом ему в ухо.

– Кто тебе сказал, что нам нужно вести скрытые дела, тор-

говец? – с улыбкой спросила императрица. – Но он мне нравится! А тебе, Рон?

– Мне тоже, мам. Он такой игривый и веселый, – смеясь от щекотки, ответил мальчик.

– Предлагаю посмотреть еще мою коллекцию, – продолжил торговец, указывая на остальные клетки, расположенные в другой части магазина. – Тут есть опасные создания, которые смогут защитить Ваше Высочество от недоброжелателей. Хитрые твари всех мастей и расцветок, способные получить необходимую информацию или доставить послание даже в глубины императорской темницы на Ауш Кулле. Быстрые звери, чье перемещение не заметит даже острый глаз хабуна...

– А этот? – принц указал на небольшого сумчатого зверька с длинными торчащими ушами, сидевшего в клетке на самой верхней полке.

– Это генетически усовершенствованный Валлаби, мой господин. Крайне необходим для торговцев и путешественников. Несмотря на небольшие размеры, его сумка способна вмещать значительный груз, – Эггер Маккинори задумался на секунду. – Вам будет неинтересен. У Вашего величества всегда найдутся носильщики. А он немного скучноват для вас.

– Твоя правда, – поддержала императрица. – Но я думаю, что мы уже определились с выбором. Правда, Рон?

– Я возьму генетту, она забавная, – без раздумья восклик-

нул принц.

– Это мальчик. Он способен становиться невидимым. Но с ним надо заниматься и обучать его, так что у Вашего Высочества может уйти много времени, прежде чем образуется тесная связь. Генетты очень свободолюбивые зверьки. А этот потомок вожаков, да и наши ученые над ним поработали... полная чипированная подготовка, вживлены все новейшие способности. Очень редкий представитель. Вероятнее всего, единственный.

– Прекрати набивать цену, торговец, – резко оборвала императрица и грозным взглядом посмотрела на Маккинори. – Ты думаешь, мы пришли сюда торговаться?

– Пр-р-рошу пр-р-рощения, моя госпожа. Тысяча извинений, – он рассыпался в поклонах. – Пр-р-рофессиональная пр-р-ривычка.

– Счет и зверя пришлешь во дворец сегодня же. И не забудь про подробную инструкцию, – властным голосом потребовала она. – Я не желаю посылать за тобой каждый раз, когда возникнут вопросы по его кормежке и воспитанию.

«Не хватало еще твоей шерсти во дворце», – улыбаясь подумал Рон Хан, когда очередной клочок от Эггера чуть не упал ему на голову.

– В комплект входит браслет. С его помощью можно общаться со зверем на расстоянии, даже находясь на другой планете. Пока близость со зверем не установилась. Последняя разработка ученых Тартарина, – торговец опять покло-

нился...

– Спасибо, мам! – сказал радостный принц, когда они выходили из магазина.

– Этот зверек то, что надо, мой мальчик. Если будешь уделять ему достаточно время, то вскоре он станет твоей неотъемлемой частью. Я рада, что смогла доставить тебе удовольствие. Как ты его назовешь?

– Пусть будет Шустрый, – не задумываясь, сказал Рон Хан.

– Хорошее имя, вполне подойдет для такого непоседы. И, кстати, сестра тебе вернула это, – она протянула принцу две деревянные статуэтки в форме императора и императрицы. – Больше не оставляй вещи без присмотра, если они тебе дороги.

– Но я же был во дворце. Кто мог бы их взять, кроме Афии? – возразил принц, засовывая фигурки в карман.

– У тебя есть своя комната, постарайся впредь не выносить оттуда свои вещи во избежание ссор с сестрой и конфликтов с прислугой. Ты должен научиться предугадывать возможные негативные последствия своих действий и по возможности избегать их. И прекращай пугать сестру изгнанием. На ней сегодня лица не была. Бедная девочка убежала от меня вся в слезах перед твоим приходом.

На выходе из рынка их ждал водитель Зиан Бокин, который заботливо держал для них открытую дверь летательного аппарата. После того как императрица с принцем сели,

он плавно развернул лендспидер в воздухе и направил его во дворец, оставляя позади суету торговой площади.

– А Шустрого скоро привезут? – спросил Рон Хан, ерзая из стороны в сторону на кресле.

– Думаю, сегодня вечером ты уже сможешь поиграть со своим новым питомцем, – успокоила его мать. – Будь осторожен с ним. Как бы нам не пришлось ремонтировать дворец раньше времени от ваших игр.

– Мы ничего не сломаем, мам, – жалобным голосом заверил ее мальчик.

– Хотелось бы в это верить, – она недоверчиво взглянула на сына.

Золотистые решетки ворот медленно отворились, и императорский лендспидер влетел на территорию дворца. Рон Хан мигом выскочил из дверей и пулей понесся по мраморной лестнице.

– Я буду ждать его в своей комнате, оттуда видны ворота. Так что я первым увижу, когда Шустрого привезут, – радостно прокричал он.

– И не опаздывай на ужин, – строго предупредила императрица.

До самого вечера принц не отходил от окна, не отрывая глаз от ворот. Ему не хотелось ни есть, ни пить, не играть со своими игрушками. Все мысли в его голове были лишь о предстоящем появлении нового фамильяра. От ожидания он не мог усидеть на месте и ерзал по подоконнику из сто-

роны в сторону. Мальчик задумал не выполнять домашнее задание учителя Нордука, а посвятить все свободное время изучению литературы по воспитанию генетт. Рон Хан представлял, какими верными друзьями они станут со своим питомцем. Как он будет с ним играть и сколько удивительных приключений пройдут вместе.

Размышления Рон Хана прервал звонок коммуникатора, и грозный голос его матери, требующий немедленно спуститься на ужин.

– Ты, верно, забыл мои предупреждения? Я же просила тебя не опаздывать. Все уже давно собрались, – отчитывала она. – Если тебя не будет через пять минут, можешь забыть о том, что сегодня увидишь генетту!

– Бегу, мам. Я просто совсем забыл про ужин, – оправдывался принц, перепрыгивая через несколько ступенек.

В центральном зале, где обычно собирались члены императорской семьи, весь интерьер составлял из огромного вытянутого на всю комнату белого стола, а так же небольших мягких белых стульев. На карнизах висел полупрозрачный тюль, практически не мешавший проникать дневному свету. А по вечерам, из огромных окон можно было наблюдать, как солнечный диск прятался за горизонтом городских построек. Каждый раз, оказываясь в этом месте, Рон Хан, неизвестно от чего, чувствовал себя тесно, хоть комната и была очень просторной. Возможно от обилия белого цвета, а возможно от всевозможных яств, которые так прекрасно готовил двор-

цовый повар Джеро Запекано.

Со свистом открыв двери, мальчик вбежал в комнату. Торопливо запрыгнул на стул и сразу приступил уплетать, стоявший перед ним суп. Остальная семья уже сидела на своих местах.

– Суп давно уже остыл, – возмущенно сказала императрица.

– Я все съем, не беспокойся!

– Ну, конечно же, наш толстячек все съест! Мама об этом совсем не переживает. Было бы очень подозрительно, если бы он оставил после себя хоть пару крошек. Он справляется с едой лучше любого робота-уборщика. И посмотрите, это же настоящее чудо! С каких это пор, принц Рон Хан, научился самостоятельно пользоваться ложкой? Да еще и с такой скоростью, – подшутила над братом Афия, медленно ковыряясь пальцем в своей тарелке.

– Тебе бы тоже не мешало научиться использовать столовые приборы, – ответила императрица, бросив на дочь суровый взгляд.

– А зачем? На Ауш Кулле можно есть и руками, если конечно, дадут что-нибудь. В любом случае тюремная еда будет намного лучше стряпни этого чудаковатого повара. Он меня пугает. А вы видели его длинные пальцы? Мне кажется, что он вовсе не эрл, а просто очень хорошо замаскированный низший.

– Ерунда, – улыбнулся император. – Я прекрасно знаю

Джеро, он отличный эрл. Да и к тому же, это я назначил его на должность дворцового повара. Трудно найти более искусного мастера. Ты бы хоть раз заглянула на кухню во время его работы.

Афия молча встала, облизнула свой палец и демонстративно зашагала к выходу из зала.

– Ты уже поужинала? – удивленно спросила императрица, взглянув на дочь.

– Не хочу портить аппетит перед поездкой на Ауш Кулл, – гордо ответила девочка. – Мне еще надо научиться махать кайлом, что бы добывать эрлиум. Я слышала, что там не кормят тех, кто не желает работать.

– Да что это с ней такое? – спросил император, когда принцесса покинула комнату.

– Она все еще злится на Рон Хана, – ответила императрица.

– Нечего брать чужие вещи, – проямлил мальчик, прожевывая очередной кусок кремового торта. Он уже успел разделаться с супом и жареной птицей с грибами, поэтому, не мешкая перешел к сладкому.

– Мы все уже обсудили с тобой, сын, – спокойно напомнил ему император. – Знаю, нам не придется возвращаться к этому разговору в будущем.

– Она скоро успокоится. Просто очередная детская ссора, – подтвердила императрица, аккуратно отодвигая тарелку. – Я, пожалуй, тоже пойду. Сегодняшние приключения

на рынке были слишком утомительными. Передайте благодарность повару Джеро Запекано. Ужин, как всегда, великолепен!

1.6 Эн Ган Ло

– Каждый день одно и то же, одно и то же. Так и жизнь пройдет, – с усталым вздохом пробормотал дворцовый стражник своему напарнику, пришедшему сменить его на посту. От тяжелой алебарды, которую он не выпускал из рук уже несколько часов, онемели пальцы. А от длительного стояния на одном месте невыносимо ныли усталые ноги. Парадная красная форма тянула тело к земле, а пышные усы под острым носом казались невыносимо тяжелым грузом. – И почему ты не можешь сменять меня вовремя?

Сменщик посмотрел на коммуникатор, соорудил невинную гримасу и слегка покачал головой:

– Ты же знаешь капитана, как он увлекается, раздавая указания, что совсем не следит за временем.

– Опять оправдания. Хоть бы раз честно сказал, что проспал. Только посмотри на свою шапку! Ее отглаживать придется несколько дней! Эх... Ладно, – махнул рукой усатый стражник.

Его сменщик, растерявшись, суетливо снял мохнатую шапку из шкуры белого медведя. Покрутив ее в руках, попытался расправить помятый головной убор. Складки на щеках и лбу говорили о том, что его напарник был абсолютно прав.

Пройдя мимо не обращавших на него никого внимания охранников, Эн Ган Ло остановился возле огромного обзор-

ного окна, из которого открывался чудесный вид на столицу. Несмотря на преклонный возраст, он сохранял привычку передвигаться тихо и незаметно, хоть немного и хромал на левую ногу. О полученной травме он не особо распространялся, ведь она явилась причиной, из-за которой ему пришлось оставить военную службу практически сразу после окончания академии.

Он получил ранение в первом же бою при штурме столицы пустынной планеты Альтаис и был комиссован, но зато смог прекрасно реализовать себя в политике, дослужившись до ранга советника Малого Круга.

Отодвинув тяжелую бархатную штору, он посмотрел на город. Над ним, словно воздушные шары, висели овальные продолговатые космические корабли. Мимо высокоэтажных небоскребов разноцветным потоком бежали вереницы лендспидеров. Шум городской суеты пробивался даже сюда, сквозь толстое стекло дворцовых окон.

– Вам назначено, советник? – стараясь не шуметь, спросил один из стражников, удивленный, как это ему не удалось сразу заметить появление старика.

Эн Ган Ло в ответ махнул рукой. Он был частым и ожидаемым гостем внутренних покоев императорского дворца, поэтому его появления не вызывало подозрений.

Охранник хотел спросить еще что-то, но тяжелые деревянные двери открылись, и в комнату вошла императрица. На ней было шикарное красное платье в пол с пышной юб-

кой. Верхняя часть плотно прилегла к телу. От белых плеч отражались солнечные лучи, проникавшие с улицы. Не обращая внимания на вытянувшихся по струнке дворцовых стражников, она подошла к советнику.

– Рада вас приветствовать, Эн, – ласковым спокойным голосом сказала императрица. Старик опустил голову в приветственном жесте. Императрица по-дружески взяла его под руку и отвела в сторону. – Давайте пройдем на балкон, с которого видно императорский сад и дворцовую площадь. Это мое самое любимое место во дворце.

– Как прикажете, моя госпожа.

– Не поверите, мой друг, мне опять снился тот странный сон, – устало сказала она.

– Опять? – удивился старик. – Я не могу припомнить, когда он беспокоил вас в последний раз. По-моему прошло лет десять. Что помогло вам избавиться от ночных кошмаров в прошлый раз? Пойдите, не говорите... Ах, да. Рождение принца Рон Хана.

В прошлые годы он был близким приятелем ее отца, а теперь и ее верным другом, посвященным во все секреты императорской семьи. Это он каждый год дарил принцу Рон Хану необыкновенные подарки, как, например, того механического робота-дракона, который чуть не спалил дворец дотла.

– Да. Но теперь видения стали еще ярче. Как будто со временем они становятся явью, – после небольшой паузы с грустью в голосе сказала императрица. – Мне кажется, что од-

нажды я не смогу проснуться и останусь во сне навечно.

– Сложные времена наступают в империи Тартарин. И вы это знаете. Может, ваш сон – предвестник грядущих бед? Кто знает, как Прана хочет высказать свою волю?

– Ох. Не начинай, Эн, – она дернула его за плечо. – Я понимаю, что ты хочешь от меня, но я не намерена обсуждать решение императора. Он принял его самостоятельно. Тебе же известно, какой он упертый. Дан Хан Кон никогда не меняет принятых, а уж тем более озвученных во всеуслышание решений.

– Безусловно, моя императрица, – он посмотрел вдаль, где со стартовой площадки взлетал космический корабль, напомиравший большую черную ворону. – Я приму и свято выполню любое приказание императора – вам это известно. Но мне не дает покоя его решение. Мой опыт подсказывает, что оно может нести угрозу для всех жителей империи. На душе беспокойно. Я, как и вы, вот уже несколько ночей не могу сомкнуть глаз.

– Давай сменим тему разговора, Эн, – возразила она. – Женщине даже моего статуса нельзя вмешиваться в дела государства. Решение мужа свято и непоколебимо.

– Здесь вы не правы, моя госпожа. Только женщине вашего статуса и позволено вмешиваться в политику. Сколько великих женщин прошлого оказали империи добрую службу, отговорив своих мужей от безумия, – настаивал старик. – Как бы не было поздно. Слухи о желании императора дать

свободу низшим расам быстро расходятся. На нижних уровнях об этом уже не шепчутся, а говорят во всеуслышание. Зафиксированы случаи завышения цен на продукты питания. Никто не знает, к чему приведет новая политика императора. Жители в панике. Низшие, разумеется, с радостью восприняли эту новость, чего нельзя сказать об эрлах, которые перестают видеть в Дан Хан Коне своего лидера. Я все чаще стал замечать презрительные взгляды членов Малого Круга в мою сторону. Они знают, что я буду с императором в любом случае, даже если он окажется не прав.

– Император не может ошибаться, его ведет Прана. Или ты боишься за свою жизнь, Эн?

– Конечно, нет! Моя жизнь уже давно ничего не стоит. Я достаточно пожил, чтобы без колебаний расстаться с ней. Здесь дело в другом. Мы с вами достаточно взрослые, чтобы так серьезно воспринимать древние легенды о безошибочных путях Праны. Очень многие императоры впадали в безумие. Они тоже свято верили, что ведет их Прана, даже когда проливали реки крови.

– Ты говоришь о Пране, Эн. В стенах дворца твои слова могут воспринять, как измену, если их услышит кто-нибудь кроме меня. Хотя в них есть истина. Но все равно я не буду обсуждать с мужем его решения! – упрямо отрезала императрица.

– Ну что ж, будем надеяться, он знает, что делает. И его действительно ведёт Прана, – советник приуныл и опустил

голову. – А ваш сон... Он не заставляет вас задуматься о будущих событиях? Не пробуждает ли в вашем сердце чувство страха за ваше будущее?

– Даже если и так. У императора и так забот хватает, – сказала императрица и присела на длинный белый кожаный диван, который стоял на балконе как раз на тот случай, если беседа начнет затягиваться.

– Я боюсь за него, – не унимался Эн Ган Ло, присаживаясь рядом с императрицей. – Его дед – император Фан Вол Гор – перед смертью взял с меня клятву оберегать корону от возможных врагов, а властелина даже от его собственных мыслей, если они могут навредить ему или империи. Но до нынешних событий сомневаться в правильности решений императора мне не приходилось.

– Не относитесь так серьезно к клятвам, данным так давно, советник. Время идет, мир меняется. То, что было важно еще несколько лет назад, сегодня кажется сущей ерундой.

– Ваш отец, безусловно, поддержал бы такое решение императора, но даже он понимал, что вернуть свободу низшим невозможно. Эрлы просто не согласятся менять привычный уклад своей роскошной жизни. Император обратит весь Тартарин против себя. А Тартарин – это и есть Империя.

– Мой отец отличался слишком уж добрым отношением к низшим. Что, в конечном счете, и погубило его. Я не хочу говорить об этом, – она отвернулась, затем с грустью в голосе прошептала. – Это все в прошлом. Все давно забыто.

– Хорошо. Не буду вас больше доносить своей настойчивостью. Не сердитесь на старика. С возрастом бывает очень тяжело избавиться от настырных мыслей, – успокаивал ее Эн Ган Ло. – Расскажите лучше о вашем сне. Когда вы увидели его в первый раз?

– С самого детства. Я вижу его слишком часто, – она слегка повысила голос.

– Но ведь после рождения принца видения прекратились?

– Да. Но теперь все повторяется. С новой силой. И так ярко.

– Что вам снится? Расскажите подробнее. Быть может, мне удастся пролить свет на темную сторону ваших ночных кошмаров.

Она немного помолчала, думая, стоит ли посвящать советника в столь личные вопросы.

– Я связанная лежу на холодном большом камне. Вокруг меня стоит крошечная тьма. Я пытаюсь оглядеться по сторонам и понять в каком месте нахожусь. Руки мои скованны. Я замечаю чье-то присутствие. Слышу прерывистое и частое дыхание. Вокруг сборище чужаков. Их глаза дикие и безумно злые. Я чувствую их голод. Они хотят причинить мне боль. Мое тело горит. У меня сильный жар.

– Это ужасно, но продолжайте.

– Все как на самом деле. Так реально, – на ее глазах выступили слезы. – Я вижу камень, на котором лежу. И понимаю, что это жертвенный алтарь, а чужаки мои палачи.

– Что происходит потом? – он с интересом смотрел на нее, стараясь не пропустить ни одного слова.

– Потом я слышу хриплый противный старческий голос. Я хочу открыть глаза, но у меня нет сил. Я пытаюсь вырваться, но цепи не пускают меня. Все безнадежно. Я пытаюсь кричать, звать хоть кого-нибудь на помощь. Дикари подходят все ближе. Я слышу их громкое сопение. Вижу, как слюни стекают с их подбородков. Чувствую их омерзительный гниющий запах. Но во всем этом шуме голос все равно продолжает звучать. Словно он исходит из моей головы. Он одновременно очень близкий и знакомый, но я не могу вспомнить чей.

– Что говорит вам этот голос?

– Она поет какую-то песню.

– Она?

– Да, это голос женщины. То есть мне кажется, что это женщина. Но голос настолько хриплый, что я не могу понять, кому он принадлежит.

– Что это за песня?

– Песня... Одна из тех, что матери Тартарина поют своим детям перед сном... Мне ее пел отец, когда я была совсем крохой.

– Вы можете вспомнить слова?

– Что-то там... эти ножки, эти ножки... – она задумалась на мгновение. – Нет. Я не помню.

– Вспоминайте. Я вам помогу. Давайте... – поддержал со-

ветник.

– Эти ножки, эти ножки...

И они запели хором эту детскую песенку, которую Эн Ган Ло тоже хорошо знал:

Эти ножки, эти ножки,

Прыг то тут, и прыг то там.

Босоногие дорожки

все нас манят по утрам.

Мы проснемся, видя солнце.

Ночью нас не заманить.

Свету отворим оконце,

Будем в танце все кружить.

Не видать больше печали,

Мы дождались наш рассвет.

Босоногими ночами

Шли к нему мы столько лет.

– Это веселая песня, но во сне она поет ее таким грустным протяжным голосом, что мне становится очень страшно. Я откуда-то знаю, что ей хочется избавить меня от боли и отвлечь внимание дикарей на себя.

– Моя мать тоже пела мне эту песню. Что происходит потом, моя госпожа?

– Ох, Эн. Это невыносимо. Мне порой не хочется ложиться спать, как представляю, что могу снова увидеть этот сон.

– Вы должны рассказать, иначе не полегчает, моя госпожа. Доверьтесь мне. Сколько лет мы с вами дружим, неужели

у вас есть кто-то, кому бы вы смогли доверять больше, чем мне? Я самый преданный ваш друг. Если не мне, то кому вы можете все рассказать?

– Хорошо, ты прав, – она собралась с силами и глубоко вздохнула. – Затем костлявая рука закрывает мне нос. Я не могу дышать. Я задыхаюсь. Голос говорит: «Пей». Я пытаюсь не открыть рот. Но сил держаться больше нет. Хочется дышать. «Пей мою кровь» – говорит голос. Это яд. Я знаю, что это яд. Я открываю рот и зову отца. Он единственный кого я могу вспомнить в том момент.

– Продолжайте.

– Они заливают мне в рот отвратительную жидкость. Она словно живая и хочет проникнуть в мое тело, не обращая никакого внимания на мое сопротивление. Я понимаю, что это яд. А что еще это может быть? Я чувствую его вкус. Такой горький и противный. Потом они смеются надо мной. Их смех все громче и громче. Вокруг меня только их лохмотья, желтые гнилые зубы и безумные глаза, – императрица замолчала и опустила голову. – Затем... затем я всегда просыпаюсь.

– Вам надо поговорить с мужем, Ваше Величество. Вы должны ему все рассказать. Император мудр, он все поймет. Сейчас ему как ни когда нужна ваша помощь и поддержка. Откройтесь ему. Поделитесь вашими опасениями. И, быть может, он прислушается к вам. Сны возвращаются каждый раз, когда хотят предупредить о чем-то важном. О том, что

мы не сделали в прошлом.

– Предупредить? Мне кажется, он хочет свести меня с ума. Но в любом случае, это лишь наши с вами догадки. У нас нет ни каких доказательств заговора или еще чего-нибудь страшного, что может нанести ему вред. Только ваша бессонница и мои ночные кошмары. Малый Круг он подобрал лично из преданных ему эрлов. Они не посмеют пойти против него. Так что мы не в силах повлиять на решение императора. Не в этот раз. Сомнений, мой друг, увы, слишком мало, чтобы переубедить его.

– Советники из Малого Круга не так уж и преданны, как нам всем хотелось бы. У большинства из них имеются личные корыстные интересы, полностью зависящие от рабства. Их семьи не имеют ни малейшего желания рисковать своим достатком ради прихоти Дан Хан Кона. После запрета Праны, сила императоров начала слабнуть. Многие шепчутся о том, что Прана это лишь вымысел, чтобы держать всех в повиновении. Сказки для детей, которыми пользуется власть. Сейчас ни кому нельзя верить. Если раньше императоры могли уничтожить планету, поглотив ее огнем и показать всем свою безмерную силу. То сейчас многие думают, что это всего лишь фокусы и реальной магии не существует. Вы должны рассказать о своих мыслях императору. Иногда простые догадки помогают добраться до истины, – он поклонился и поднялся с дивана. – Вы неспроста начали снова видеть этот ужасный сон. Тени прошлого поднимаются. Нам

всем надо быть начеку.

– Спасибо, что выслушал, Эн. Мне стало намного легче.

– Я всегда к вашим услугам, Ваше Величество.

Он поклонился и слегка прихрамывая, направился к выходу. Императрица сосредоточено смотрела вдаль, погруженная в собственные мысли.

– Я все же поговорю с императором, как только найду подходящую возможность, Эн. Но ничего не обещаю, мой друг, – сказала она уходящему советнику.

– Благодарю. Этого уже будет достаточно, – не оборачиваясь, ответил он.

1.7 Могилы предков

Журчание неглубокой извилистой речки, больше походившей на ручей, гармонично сливалось с хором птичьего пения. Откуда-то издалека слышались отголоски горного водопада. На аллеях дворцового парка уже кое-где лежали опавшие желтые листья, предвестники скорого пришествия осени. Хоть дневная погода по-прежнему радовала теплом, вечером прохладный ветерок напоминал о необходимости надевать плащ, собираясь на прогулку.

После захода солнца в этом месте по традиции собралось прогуляться и обсудить дневные новости много желающих, и мало кто обратил внимание на сторбленную черную фигуру, стремившуюся не попадать под яркий свет уличных фонарей и скрытно пробирающуюся мимо случайных взглядов.

Готто Гвал двигался быстрым шагом, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Периодически оборачивался, чтобы убедиться в отсутствии слежки. Края его черного плаща, негромко шуршащего при движении, касались земли, разгоняя желтые листья в разные стороны. Прошмыгнув мимо придворных, ведущих праздные беседы, он направился в дальний конец аллеи, где незаметно потерялся среди кустарников и деревьев. Его большие белые глаза светились в темноте, словно взгляд хищника, поджидавшего свою добычу. Немного отдышавшись, он двинулся дальше на тем-

ную тропинку, скрытую от посторонних глаз. Уже не опасаясь быть замеченным, советник выпрямился в полный рост и, замедлив шаг, пошел к эскалатору, ведущему к лифту на нижние уровни дворца. Этим путем пользовались низшие из обслуживающего персонала, чтобы лишний раз не попасться на глаза высшим эрлам и не нервировать их своим присутствием.

В вечернее время представителям низших рас, работающих во дворце, не разрешалось покидать место своего обитания – нижние уровни подземелья, поэтому Готто Гвал не беспокоился, что кто-либо станет свидетелем его вечерней прогулки. Лишь один вопрос волновал его сегодня, тот вопрос, который не давал ему спокойно спать вот уже на протяжении последних нескольких месяцев. Злость и неутолимая жажда власти овладели его разумом. Как ни пытался он сдерживать ее, победить в этом неравном бою был бессилён.

Чтобы хоть немного успокоить бурю, бушующую в его сердце, он решил воспользоваться советом предков и спуститься в императорские склепы, и уже среди мертвых властителей прошлого найти окончательное решение, которое, как ему казалось, он обязан был принять ради спасения будущего империи.

Спустившись по эскалатору, советник вызвал лифт, который, как всегда, поднимался не слишком быстро. Готто Гвал проделывал такие вечерние прогулки не впервые, и каждый раз ему удавалось остаться незамеченным. Кроме последне-

го раза, когда ему в лифте повстречался принц Рон Хан, гонявшийся за своей сестрой по лабиринтам нижних этажей.

Тем не менее, Готто Гвал соблюдал все возможные меры предосторожности. Надевал менее заметную одежду, более подходящую беднякам из низших, скрывал под тенью капюшона свое запоминающееся лицо. Даже использовал пропуск своего слуги, чтобы не попасть в отчет службы безопасности дворца, с начальником которой не особо ладил, так как в свое время пытался сам занять этот важный государственный пост. Не один раз он говорил на эту тему с императором – родным старшим братом, но тот категорически не хотел, чтобы императорскую семью охранял потенциальный претендент на корону. Дан Хан Кон даже как-то пошутил по этому поводу на собрании Малого Круга, указав на то, что его брат – единственный гость, который приходит во дворец с кинжалом на поясе, и из него вышел бы отличный стражник, а не советник.

Императорские склепы находились на первых уровнях катакомб, чтобы представителям императорской семьи не приходилось спускаться в глубины подземелий. Как и положено гробницам, тут правила сырость и стоял полумрак. Паутина в обилии свисала с потолка, несмотря на то, что уборку делали достаточно часто. Серые каменные таблички на надгробиях сообщали имена усопших и кратко рассказывали об их жизненном пути, подвигах и заслугах перед империей Тартарина.

– Император Фан Вол Гор, – снимая капюшон, прочитал Готто Гвал. Он стер рукой пыль с надгробия, проявив надписи на языке эрлов. – Любимый папа, ах, если бы ты знал, что собирается сделать твой старший сын. Ты бы не позволил ему это и вряд ли передал власть такому предателю наших традиций...

Готто Гвал встал на колени перед каменной статуей своего отца, изображенного в парадных доспехах с обнаженным мечом, указывающим куда-то в сторону.

– ...Дай же мне силы, отец. Разреши с гордостью вынести это бремя. Успокой мое сердце и направь мои руки и разум на выполнение предначертанного судьбой. Убери эту боль, что съедает меня изнутри. Дай силы исполнить предназначение...

Его голос становился все тише и тише. Он обнял ноги изваяния, опустил голову и зарыдал. Мертвая тишина склепа нарушилась частыми громкими всхлипами.

– ...Я не могу это сделать. Я слишком слаб. А Дан Хан Кон очень силен. Вся Прана в его руках. Как же я смогу победить его? Нет... Это невозможно. Он мой брат. Я должен подчиниться...

Он поднял голову и посмотрел на каменный меч, лежащий в руке статуи.

– ...Куда? Куда ты указываешь? – Готто Гвал повернулся в сторону, куда было направлено острие меча. Жалобно стоная, он пополз на коленях к статуе своего прапрапраде-

да, стирая плащом пыль с мраморного пола, разгоняя пауков и сороконожек. Эмериус Экут Яр был изображен в длинной робе с золотой короной на голове, а из его рук торчали два пистолета с длинными стволами – несколько столетий назад такие использовались тартарианцами при ведении боя на дальних расстояниях. – «Первый император Эмериус Экут Яр, прозванный Завоеватель, – стирая пыль с надписи, прочитал Готто Гвал. – Покоритель Ниргана. Прославился тем, что одолел своего брата в битве Праны и получил право на корону»... Ну конечно, он же легенда. Кто позволит себе сомневаться в действиях легенды?.. Я поступлю также. Я вызову Дан Хан Кона на поединок Праны. А он даже и не догадается, что происходит.

Готто Гвал слегка хихикнул, поднимаясь с холодного пола, и пыльным рукавом вытер лицо от слез. Советник все еще всхлипывал, не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями. Но настроение его уже стало улучшаться от найденного, как ему казалось, решения. Пошатываясь, он направился к выходу из склепа.

– ...Да будет так. Я услышал голоса предков. Теперь осталось найти Безликого в этих безумных туннелях. Надеюсь, он все еще ждет...

Он уже собрался было пройти сквозь открывшуюся дверь, как его внимание привлекло еле заметное движение в дальнем темном углу. Он оцепенел от страха, прислушиваясь к тишине. Не показалось ли ему? Быть может, предки услы-

шали его мольбы и решили ответить? Готто Гвал почувствовал холодок, пробежавший по спине. А если они хотят его остановить? Или это один из доносчиков императора, услышавший его мольбы и готовый все рассказать своему хозяину?

– ...Кто там?! – закричал он, вглядываясь в темноту и делая осторожные шаги в ее сторону.

Эхо тут же разнесло его слова, отражая от стен и ступей. Вот уже оставалось совсем немного, какие-то считанные метры. Готто Гвал отчетливо видел толстые стальные прутья, на которых блестел скупой свет подземелья. Ему казалось, что он слышит чье-то глубокое дыхание. Еще несколько шагов. Все медленнее и медленнее. Опасаясь, он всеми силами сопротивлялся, но ноги сами вели его к клетке, на дверях которой висел магнитный замок. И уже два голубых кристалла, пристально смотря на него. Это чьи-то глаза? Ну конечно глаза, что же еще?!

Готто Гвал отчаянно пытался вспомнить, кто же из его предков обладал голубыми глазами. Кто мог бы посетить его в этот тяжелый час и дать совет или оказать помощь? Но на ум никто не приходил. Он продвинулся еще ближе, и еще. И вот уже оказался почти у самых прутьев. Готто Гвал напряг зрение, вглядываясь во мрак.

– Кто ты, откликнувшийся на мой зов? – осторожно спросил советник.

Тишина. Голубые глаза исчезли. Вероятно, ему показана-

лось. Он с облегчением выдохнул, дёрнул металлические прутья закрытой двери, и стал потихоньку отходить, пятясь назад, стараясь не поворачиваясь спиной к клетке.

В одно мгновение большая когтистая лапа пронеслась между прутьев. Готто Гвал упал на пол, не понимая, что происходит. Из темноты на него смотрела огромная белая морда льва. Оскалившись, она пыталась протиснуться между решеток. Большие желтые зубы лязгали по металлу, высекая яркие искры. Слюни животного падали на мантию советника, смешиваясь с грязью, образуя серые комки. Взмахи огромных крыльев поднимали пыль, ослеплявшую глаза советника.

– Паршивая тварь, и почему брат до сих пор не убил тебя? – скулил Готто Гвал, отползая в сторону. Он почувствовал, как струйка тепла покатила по его щекам. Потрогав лоб грязными пальцами, он взвизгнул от боли. Из глубокой раны сочилась алая кровь. – Ты... ты... Ты хотел меня убить! Безумное существо!..

Кровь заполняла глаза, и он уже с трудом мог видеть, что происходит вокруг. Путь клетки скрипели под напором льва, но не поддавались.

– ..Тварь! Тварь!.. Твой хозяин мне за все ответит! А после придет и твоя очередь... – плакал советник, передвигаясь на четвереньках в сторону выхода из склепа.

Лев порывал ему вслед и похлопал крыльями, создавая потоки ветра, задравшего плащ советника. После тщет-

ных попыток покинуть свою темницу, животное успокоилось и притихло. В склепе вновь наступила мертвая тишина. Готто Гвал пробирался на ощупь, пока не уткнулся во что-то мягкое. Он попытался открыть глаза и рассмотреть преграду, но застывшая кровь вызвала лишь резкую боль. Ощупав руками пол, ему удалось обнаружить чьи-то ботинки. Удивление и страх пронзили его сердце. По телу побежала мелкая дрожь.

– Кто тут?! – пытаюсь взять себя в руки, провизжал он. – Кто ты такой?

– Меня зовут Нимериус, господин. Я местный уборщик. Чищу вентиляцию, – услышал он в ответ, чей-то тихий голос. – Как вы сюда попали в столь поздний час? Животное безумно. К нему нельзя подходить так близко. Император запретил посещения склепа кому бы то ни было.

– Что? Кто? Уборщик?... – тяжело дыша, промямлил Готто Гвал, отползая от источника голоса, все еще не веря, что кто-то действительно разговаривает с ним. – Я не кто-то, чистильщик. Слышишь? Я советник императора, тупица.

– Простите, господин, не узнал, – извинился Нимериус. – Вам нужна помощь, немедленно. Я провожу вас к лифту на верхние этажи.

– Нет. У меня нет времени, чистильщик. Он не будет ждать так долго.

– Что, простите?

– Забудь. Веди меня к себе. Тебе выпала превеликая честь

оказать мне помощь, низший.

Чистильщик немного замялся, словно решая как ему поступить. Сегодня он уже встречал высокопоставленную особу в лице принца Рон Хана, и эта встреча не принесла ему ничего хорошего.

– Что-то дворяне зачастили в катакомбы, – вслух подумал он, почесывая бороду.

– Замолчи и делай, что тебе велено, – сказал Готто Гвал и начал карабкаться с пола вверх, цепляясь за одежду Нимериуса. Капли крови обильно брызгали, оставляя бурые пятна на лохмотьях намубианца.

– Хорошо, хорошо, господин. Я живу недалеко. Пойдемте же скорее.

Слуга взял советника под руки и повел по каменному коридору катакомб, освещая путь ярким светом ручной лампы.

1.8 Красные глаза

– Теперь можете открыть глаза, господин советник, – дрожащим голосом сказал Нимериус, после того как закончил промывать и зашивать раны на лице Готто Гвала.

– Где это ты так ловко научился врачевать, намубианец? – спросил удивленный советник, ощупывая рану рукой.

Слуга взял чистые бинты, которые были разложены на старом пошарпанном столе, больше напоминавшем дряхлый ящик, и положил их в таз с горячей водой. Вокруг было прохладно, поэтому пар от воды был особенно густой и застилал половину комнаты.

– Не стоит трогать рану руками, господин, – обеспокоенно предостерег Нимериус. – Может пойти заражение. Хоть я и обработал рану, все равно вам необходимо обратиться за профессиональной помощью.

Готто Гвал недоверчиво цокнул и попытался открыть глаза, преодолевая боль. После нескольких неудачных попыток ему все-таки удалось это сделать. Он поморгал, но все равно от тусклого света небольшой свечи все казалось расплывчатым. Комната намубианца, как и он сам, выглядела настолько бедной, что советнику хотелось, чтобы его зрение не возвращалось к нему как можно дольше. По крайней мере, пока он не покинет это жилище. Посередине стояли четыре перевернутых ящика, один из которых служил столом, осталь-

ные, по всей видимости, стульями. Старый потрескавшийся от времени камин, в котором неизвестно когда последний раз горел огонь. И выеденный молью небольшой овальный коврик. Вот и все, что Готто Гвалу удалось разглядеть.

– Ты не ответил мне, – уже угрожающим тоном сказал он.

– Я не всегда был чистильщиком. В свои ранние годы я много путешествовал и обучился искусству врачевания, – ответил намубианец. Он достал бинты из кипятка и подошел к советнику. – Теперь постарайтесь не шевелиться, господин. Я перевяжу раны.

– Со мной все будет в порядке?

– Безусловно. Яд не успел проникнуть в кровь.

– Яд?..

– Да. Нирганские крылатые львы очень ядовиты. Но не беспокойтесь, я все сделал быстро. Так что опасности нет. Вот только шрам останется... – с сочувствием в голосе сказал Нимериус. – И глаза...

– А что с моими глазами? – растерянно спросил Готто Гвал. – Зрение вроде возвращается.

– Со зрением все будет хорошо, но внутрь попали кровь и яд, и теперь они, скорее всего, навсегда приобрели красный цвет.

Советник отодвинул руки слуги и, поднявшись с деревянного ящика, подошел к тазу с водой.

– Я так понимаю, у тебя нет зеркала? – спросил он, наклоняясь и рассматривая отражение.

– Нет, господин, – подтвердил Нимериус и разочарованно пожал плечами.

– Я и не сомневался...

Готто Гвал как можно шире открыл глаза и вгляделся в воду. То, что он увидел, вовсе не напугало его, а даже наоборот – вызвало гордость за себя. На лбу и брови красовалась ровная аккуратно зашитая рана, которая в дальнейшем превратится в красивый шрам. Советник представил, как будет рассказывать всем, что ему удалось выжить в схватке с таким опасным животным, как нирганский крылатый лев. А красные глаза придавали ему коварный и загадочный вид.

– Ну что ж, ты хорошо поработал, слуга. Прими мою благодарность. Быть может, скоро я отплатю тебе за твои хлопоты.

– Не стоит, господин. На моем месте любой поступил бы так же.

– Да, ты прав. Низшие должны безропотно выполнять повеления высших, – надменно сказал Готто Гвал. – Что ж, дальше я сам. Не будем попадаться на глаза вместе, а то еще кто-нибудь решит, что мы с тобой друзья.

Он ехидно улыбнулся и направился к выходу из комнаты Нимериуса, который молча проводил его взглядом.

Добравшись на лифте до нижних уровней катакомб, Гот-

то Гвал торопливо направился в дальние комнаты, где его уже давно ожидали. В просторном зале на каменном кресле, больше походившем на трон с высеченными надписями на древнем языке, сидело нечто, напоминавшее крупную мужскую фигуру в черных свободных одеждах. Лицо его, если таковое имелось, было скрыто завязанным в несколько оборотов темным шарфом, из-под которого белыми бусинками выглядывали два прозрачных глаза, окруженные легкой завесой серого дыма.

– Ты не особо торопился, эрл, – тихим грубым голосом сказал незнакомец и слегка приподнял голову в сторону вошедшего советника. – Давно меня не заставляли ждать. Тем более те, кто так отчаянно нуждается в моей помощи.

– Перестань, – махнул рукой Готто Гвал. – Разговариваешь со мной, как с каким-то низшим! Всем давно известно, что Безликие не чувствуют время. Ты, наверно забыл, сколько тысячелетий томился в своей урне в глубине пещер на Темной планете.

Советнику показалось, что мужчина улыбнулся. По крайней мере, он сделал такие выводы по шевелениям шарфа в том месте, где должен был находиться рот незнакомца.

– Ты и есть низший, – продолжила фигура со скрытым лицом. – Твой брат высший, ты – нет. И тебе никогда не обрести такого величия, как у него. А что касается Безликих... Много ли ты их встречал на своем пути, чтобы рассуждать об их возможностях? Ты и твой полоумный слуга убили трех

моих братьев своим невежеством и неуклюжими руками. Вершители вселенского рока. Мне до сих пор смешно, как вы выполнили такую легкую миссию на моей планете. Нет, мой друг, ты пришел сюда очередной раз, потому что тебе нужна моя помощь. Потому что ты уже несколько дней не можешь спокойно спать. Твоей голове император не дает покоя. Боль и страх поселились в ней, и ты не в силах совладать с ними.

– Если ты так восхищаешься моим братом, почему тогда не говоришь с ним? – спросил Готто Гвал. – Быть может, он более меня достоин лицезреть тебя сейчас? А что касается твоих братьев, то кто мог знать, что вы заточены в тех урнах? Мы не ведали, что делаем. Ты мог быть более любезным и предоставить понятные инструкции, как вывести тебя с Темной планеты.

– Инструкции?! У меня еле хватило сил, чтобы направить единственный экземпляр Черной книги в твои руки. А ты и им не смог воспользоваться в полной мере. А что касается твоего брата? То, несомненно, он более достойный. Но не он искал встречи со мной, в отличие от тебя. Дан Хан Кон никогда не обратится к магии древних. Его сила и воля непоколебимы. В нем нет низменных желаний и свойственных тебе пороков. Ты – совсем другое дело, мой друг. Ты низкий, завистливый, никчемный и трусливый. Природа наградила тебя всеми качествами, которые не хотел бы иметь никто из властелинов. И как же ей удалось собрать все это в од-

ном хрупком тельце?

– Перестань! – прокричал советник. – Не для выслушивания моих «достоинств» призвал я тебя. Ситуация полностью выходит из-под контроля. Этот сегодняшний совет в Малом Зале... Тебе известно, что задумал Дан Хан Кон?

– Ты говоришь о желании императора дать низшим свободу? – задумчиво спросил Безликий и откинулся на спинку своего трона.

– Так ты уже в курсе? – удивился Готто Гвал, не спеша двигаясь к собеседнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.